У10 3/45 alc

МАТЕРІАЛЫ

КЪ ИСТОРІИ

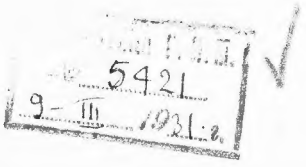
ДРЕВНЕЙ НОВГОРОДСКО-ПСКОВСКОЙ

АРХИТЕКТУРЫ.

В. В. Суслова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1888.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Художествъ.



Матеріалы къ исторіи древней Новгородско-Псковской Архитектуры.

(Съ 4-мя таблицами.)

Разборъ памятниковъ древняго искусства Новгородской области уже не разъ появлялся на страницахъ нашихъ ученыхъ изданій, но всетаки спеціальныхъ взглядовъ на ходъ искусства, на его, такъ сказать, внутреннюю жизнь въ зависимости отъ разныхъ условій народной жизни сдѣлано сихъ поръ еще не много.

Мы, напримѣръ, видимъ во многихъ сочиненіяхъ о древнемъ русскомъ искусствѣ лишь простое описаніе отдѣльныхъ памятниковъ, что даетъ какой-то хаосъ, въ которомъ не разберешься; какія формы въ извѣстное столѣтіе появлялись, какія развивались и какія сходили со сцены.

Въ отношеніи Новгородско-Псковской архитектуры, правда, существуютъ общіе взгляды на внѣшнія типичныя стороны памятниковъ, но затѣмъ, въ виду простыхъ формъ и повторенія ихъ въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ, вопросъ о Новгородско-Псковской архитектурѣ считался законченнымъ. Между тѣмъ, кромѣ развѣ общаго (и то гадательнаго) плана Новгородско-Софійскаго собора, мы почти ничего не знаемъ о тѣхъ архитектурныхъ формахъ, которыя были принесены въ Новгородъ изъ Греціи, и о томъ, какимъ образомъ получился извѣстный типъ Новгородско-Псковскихъ церквей XIV и XV ст., т. е. при какихъ условіяхъ появлялись тѣ или другія формы, то или иное ихъ развитіе. Въ нашихъ описаніяхъ архитектурной стороны памятниковъ, напримѣръ, встрѣчается мнѣніе, что паперть и крыльцо Хутынскаго монастыря исполнены въ готическомъ стилѣ, между

тѣмъ исполнены они въ чисто русскомъ XVII ст. Въ путеводителѣ по Новгороду говорится, что Софійскій соборъ и понынѣ въ первобытномъ видѣ и т. п.

Все это говоритъ за нѣкоторую поверхностность трудовъ по изслѣдованію памятниковъ древней архитектуры Новгородской области. Между тѣмъ, если зодчество этого края не заслуживаетъ большаго вниманія въ художественномъ отношеніи, то крайне интересно для насъ потому, что подъ общими наружными формами въ немъ видны тѣ зачатки самобытной архитектуры, которые потомъ развивались въ другихъ краяхъ и въ XVII вѣкѣ получили полное гражданство во всей Россіи. Затѣмъ насъ долженъ интересовать самый складъ архитектуры, такъ сказать, физіологическій ростъ ея и степень мѣстнаго творчества.

Я, конечно, въ настоящее время далекъ отъ того, чтобы сдѣлать подробный отчетъ объ архитектурѣ Новгородской области, такъ какъ у насъ еще нѣтъ достаточно матеріала для этого вопроса. Тѣмъ не менѣе, въ виду моего, хотя краткаго изученія сохранившихся памятниковъ этого края, я постараюсь въ видѣ опыта намѣтить тотъ ходъ архитектуры, гдѣ съ появленія Византійскихъ формъ входили элементы Запада и, соединяясь съ народнымъ творчествомъ, смѣшивались въ зависимости отъ практическихъ условій жизни Новгородцевъ. При этомъ я не стану касаться деревянныхъ церквей, гражданской и крѣпостной архитектуры, живописи, рѣзнаго производства, чеканки и т. п.; все это заслуживаетъ особыхъ трактатовъ; я же ограничусь обзоромъ только каменной церковной архитектуры по сохранившимся памятникамъ. Къ сожалѣнію, главный изъ нихъ, Софійскій соборъ у насъ еще въ точности не обслѣдованъ, хотя, несомнѣнно, онъ имѣлъ тѣ же основныя формы, какія завѣщала нѣкогда цвѣтущая Византія нашему стольному городу Кіеву.

Имѣя въ виду изученіе Софійскаго собора во всѣхъ подробностяхъ, я ограничусь въ данное время лишь краткими соображеніями о его первоначальныхъ формахъ.

Софійскій соборъ, постр. въ 1045—1052 г. по всѣмъ вѣроятіямъ, ограничивался тѣми стѣнами, которыя болѣе заштрихованы на рисункѣ 1-мъ, табл. I-я.

Западное дѣленіе *a* имѣло значеніе нартекса, верхняя часть котораго съ дальнѣйшими квадратными помѣщеніями *в*, *в* съ сѣверной и южной сторонъ занимались хорами. Кромѣ того, судя по лѣтописному указанію подъ 1144 г. «исписаша честно всѣ притворы въ Св. Софіи», надо думать, что храмъ имѣлъ притворъ не только съ западной стороны, а обходилъ соборъ съ сѣверной и южной сторонъ (*a a′ a″*). Верхняя часть ихъ также была занята хорами, соединяющимися съ западными.

Притворы предназначались для погребенія епископовъ и знатныхъ людей, какъ это было и въ греческихъ церквахъ. Основываясь на томъ фактѣ, что Новгородскій епископъ Лука Жидята въ 1058 г. былъ положенъ за Св. Софіей, а не въ притворѣ, какъ это упоминается напр. о князѣ Мстиславѣ Ростиславичѣ (1178), видно, что папертей въ то время не существовало, а построеніе ихъ, какъ полагаютъ и другіе, надо отнести къ первой половинѣ XII ст. Во всякомъ случаѣ, всѣ данныя къ этому предположенію еще не вполнѣ основательны и слѣдовало бы ихъ провѣрить тщательнымъ изслѣдованіемъ стѣнъ и сводовъ самаго памятника [1]).

Затѣмъ надо полагать, что стѣны храма были не штукатурены, а какъ большею частію въ греческихъ церквахъ, кладка плитъ въ перемежку съ кирпичами была не закрыта. Крыши были покрыты, вѣроятно, поарочно черепицей, а потомъ въ 1151 г., какъ говорится въ лѣтописяхъ «поби Св. Софію свинцомъ, всю прямь извѣстію маза всю около». Далѣе, принимая во вниманіе, что пять куполовъ церкви, поставленныхъ почти на одной высотѣ и притомъ не по направленію креста, а по діагонали квадрата, встрѣчаются въ греческихъ церквахъ весьма рѣдко, то и не слѣдовало бы останавливаться на томъ, что существующіе нынѣ четыре угловые барабана собора относятся къ первоначальному построенію храма.

Заслуживаетъ въ этомъ отношеніи вниманія то, что о пяти главахъ упоминается въ лѣтописяхъ только со второй половины XII ст., и то относительно церквей средней Россіи, а въ Новгородѣ замѣтно скорѣе, что пятиглавыя церкви долго не были въ ходу. Кромѣ того, напримѣръ, лѣтописное указаніе подъ 1394 г. «Маковица огоре» даетъ поводъ недоумѣвать, почему во время пожара могла сгорѣть только одна изъ пяти главъ.

Такимъ образомъ, точнаго представленія о первоначальныхъ формахъ и деталяхъ Новгородскаго—Софійскаго собора мы еще не имѣемъ. Предполагая заняться спеціальнымъ изученіемъ его, я ограничусь вышесказанными указаніями и упомяну только о *мозаикахъ*, рисунки съ которыхъ мною были сдѣланы для Императорской академіи художествъ. Это цѣлый рядъ разнообразныхъ цвѣтныхъ арочекъ, идущихъ надъ сѣдалищемъ по всему внутреннему полукружію главнаго обсида, таб. I, рис. 2.

Мозаики эти несомнѣнно византійскаго происхожденія и были сдѣланы, вѣроятно, одновременно съ постройкой самого собора. Въ настоящее время почти всѣ рисунки мозаичныхъ украшеній неправильны и самые кусочки мозаикъ задѣланы крайне неаккуратно.

---

1) Весьма интересно бы изслѣдовать устройство сводовъ въ угловыхъ помѣщеніяхъ хоръ собора, такъ какъ они имѣютъ стрѣльчатую форму.

Вѣроятно они были перебраны и вновь вставлены, но уже неумѣлыми руками, во время поправки алтарныхъ стѣнъ; можетъ быть, послѣ того, какъ въ 1276 году «опала стѣна у Св. Софіи до основы отъ Неревскаго конца».

Мозаичныя арочки заключены въ прямоугольники различной ширины, отъ 14 верш. до 1 арш. 3 вершк. и высотою 2 арш. Каждый прямоугольникъ состоитъ изъ арочки, опирающейся, какъ бы на пилястры. Ниже пятъ арочекъ вставлены большія мозаичныя плиты, имѣющія видъ капителей, а внизу пилястры такія-же плиты, — въ видѣ базъ. Пространство, ограниченное арочками, заполнено крестами различныхъ рисунковъ и, смотря по ширинѣ арочки, двумя или тремя розетками съ трехугольными обводами между ними.

Поверхъ арочекъ находятся трехугольники, состоящіе изъ подобныхъ же камешковъ. Розетки представляютъ собою комбинацію различныхъ геометрическихъ фигуръ (пересѣченіе круговъ, звѣздочки и т. п.) и листки въ кругахъ съ пятью закругленіями (таб. I, черт. 4 и 3).

Консистенція камешковъ (за исключеніемъ синевато-зеленоватыхъ) состоитъ изъ непросвѣчивающейся массы, окрашенной въ яркожелтый, густой черный, молочно-желтоватый и темно-коричневый цвѣтъ. Кусочки же синевато-зеленоватаго цвѣта имѣютъ видъ стекловидной массы. Камешки эти, толщиною отъ $^1/_4$ дюйма до $^3/_8$ д., имѣютъ съ лицевой стороны отшлифованную поверхность. Формы ихъ представляютъ видъ чечевицы, ромба, круга и т. п. (Таб. I, рис. 5). Изъ этихъ простыхъ формъ и составлены болѣе сложные рисунки. Послѣдніе такъ разнообразны, что во всѣхъ арочкахъ почти не встрѣчается одинаковаго мотива. Подобныхъ сплошныхъ мозаичныхъ украшеній мнѣ не приходилось видѣть, хотя по одной аркѣ встрѣчается въ греческихъ церквахъ надъ святыми (между прочимъ въ книгѣ бесѣдъ Іоанна Златоуста XII в. на подобной же арочкѣ намѣчены трехугольныя украшенія въ родѣ мозаики). Мотивы-же отдѣльныхъ украшеній, (какъ напр. черт. 6) встрѣчаются въ Martorana въ Палермо, (рис. 7) въ St. Lorenzo въ Римѣ, и (рис. 3—4) на Аѳонѣ въ Иверскомъ монастырѣ. Мозаики эти конечно интересны для насъ, какъ свидѣтельство того, въ какомъ родѣ и размѣрѣ было завѣщано Новгороду мозаичное дѣло, которое къ сожалѣнію не имѣло развитія на почвѣ сѣверной Россіи.

Новгородскій Софійскій соборъ, построенный какъ-бы въ назиданіе послѣдующему церковно-строительному дѣлу, видимо не имѣлъ прямыхъ копій. Во первыхъ, потому что у насъ не было еще тогда своихъ опытныхъ мастеровъ, а во вторыхъ, Св. Софія играла такую громадную роль въ жизни Новгородцевъ, что всякое соперничество въ постройкѣ другаго

подобнаго-же храма показалось бы дѣломъ грѣховнымъ, да они и не представляли себѣ лучшаго храма. Послѣдующія церкви XI и нач. XII ст. были несомнѣнно меньшихъ размѣровъ, но какихъ именно формъ—лѣтописи умалчиваютъ, а самые памятники уже не существуютъ.

Въ виду того, что Псковъ, какъ младшій братъ Новгорода, жилъ одною и тою-же жизнію и дальше Новгорода не шелъ, искусство здѣсь было на томъ же пути и подвергалось тѣмъ-же вліяніямъ, какъ и въ Новгородѣ. «На чемъ старшіе здумаютъ, на томъ и пригороды станутъ», вотъ главная черта Новгородской общинной жизни, въ силу которой искусство, а слѣдовательно и всѣ памятники зодчества Псковской области могутъ идти подсказомъ о характеристикѣ цѣлаго стиля Новгородско-Псковской архитектуры. Такимъ образомъ, сохраняя хронологическій порядокъ памятниковъ древней архитектуры, перейдемъ къ разбору *Преображенскаго собора въ Мирожскомъ монастырѣ, въ г. Псковѣ* (1156 г.). (Черт. 11-й и 12-й. Таб. I).

Подробный разборъ этого храма я имѣю въ виду опубликовать въ будущемъ, а въ настоящее время упомяну только о тѣхъ главныхъ разслѣдованіяхъ, которыя мнѣ пришлось сдѣлать при изученіи этого памятника.

I. При отбитіи штукатурки надъ маленькой нишей сѣвернаго фасада оказались ряды наклонной кладки (*а*), какъ показано на черт. 11.

II. Съ Западной стороны этого угла обнаружено такое-же направленіе кладки.

Изъ этого видно, что сѣверо-западный и юго-западный углы втораго этажа (хоры) надложены послѣ построенія собора.

III. По отнятіи штукатурки съ правой стороны маленькой ниши, въ сѣверномъ фасадѣ обнаруженъ вертикальный шовъ (*в*).

IV. На чердакѣ по направленію этого шва замѣтна надкладка верхней восточной части звоницы (*б*).

Эти данныя указываютъ, что звоница сдѣлана не одновременно съ соборомъ, что подтверждается и древнимъ изображеніемъ Мирожскаго монастыря на образѣ 1581 г., находящемся въ Печерскомъ монастырѣ, гдѣ вмѣсто одностѣнной звоницы показана круглая башня.

V. Далѣе, подъ штукатуркою, выше пятъ средней ниши въ западномъ фасадѣ собора обнаружено начало наклонной кладки (*г*), верхній камень которой идетъ по направленію къ нижней плоскости замочнаго камня ниши (*д*).

VI. Окна въ барабанѣ оказались заложенными до половины.

VII. При дальнѣйшемъ изслѣдованіи храма, подъ штукатуркою его оказались заложенными шесть оконъ въ мѣстахъ *e*, e . . . Черт. 1-й, таб. III.

VIII. По расчисткѣ нѣкоторыхъ мѣстъ внутреннихъ стѣнъ храма, оказалась вполнѣ сохранившаяся фресковая живопись. Наконецъ, паперть собора, карнизикъ барабана, луковицеобразная глава, широкія окна, форма крышъ, все это сдѣлано очевидно не одновременно съ соборомъ. Такимъ образомъ, всѣ эти данныя позволили мнѣ сдѣлать предварительный проектъ реставраціи и привели къ тому взгляду, что *одинъ изъ типовъ малыхъ церквей Новгорода былъ (по верхней части церкви) равноконечный-крестовый* и занесенъ сюда греческими мастерами.

Судя по распредѣленію картинъ на внутреннихъ стѣнахъ храма, хоръ видимо не существовало въ началѣ, хотя въ греческихъ и Новгородскихъ церквахъ этой эпохи хоры встрѣчаются весьма часто [1]).

Смотря на фасадъ Мирожскаго собора, замѣтно, что въ немъ уже успѣли отразиться нѣкоторые практическіе взгляды новгородскихъ строителей; такъ *боковыя абсиды*, какъ не требующія большой высоты, *дѣлаются значительно ниже*, чѣмъ въ греческихъ церквахъ. *Покрытіе другихъ угловыхъ частей церкви* производится не на одинъ скатъ, какъ видимъ напр. въ Грузино-Армянской архитектурѣ, *а на два*. Кромѣ того, вслѣдствіе недостатка знаній Новгородцевъ въ строительной техникѣ, *тройныя окна съ колоннами* (часто встрѣчающіяся въ византійской архитектурѣ), *украшенія стѣнъ церкви и барабановъ совсѣмъ избѣгаютя*. Далѣе, вслѣдствіе частыхъ холодовъ, отсутсвія печей и не вполнѣ умѣлой кладки стѣнъ, *весь храмъ получаетъ сравнительно приземистыя пропорціи*. Наконецъ, подпружныя арки собора опираются не прамо на стѣны, а на особыя клинообразныя капители (*a*), (чер. 2, таб. III).

Относительно подобной-же церкви въ Снетогорскомъ монастырѣ близъ Пскова можно положительно сказать, что она была построена не въ 1310 году, какъ считается по лѣтописному сказанію, а значительно раньше, такъ какъ по наружнымъ формамъ и устройству сводовъ она совершенно тождественна съ Мирожскимъ соборомъ, (кромѣ карниза барабана, который сдѣланъ позднѣе). Судя по указанію Новгородской лѣтописи, что въ 1299 г. «убитъ нѣмцами игуменъ Св. Богородицы Снетной горы», можно думать, что эта церковь уже существовала, а подъ 1310 г. надо скорѣе предположить не постройку церкви, а пристройку трапезы при ней [2]),

---

1) Можетъ быть, что въ ту эпоху аскетизма въ мужской Мирожскій монастырь не были допускаемы женщины, для которыхъ собственно и дѣлались хоры.

2) Вообще по нѣкоторымъ соображеніямъ можно думать, что лѣтописныя фразы

Другой памятникъ этого столѣтія, *церковь св. Георгія въ Ладогѣ* по среднему равноконечно-крестообразному окладу ея подобна предъидущей (черт. 13, таб. I и черт. 3, таб. III).

Здѣсь видимо старались устроить въ возможно тѣсной рамкѣ церковь не только съ добавочнымъ и общепринятымъ помѣщеніемъ хоръ, но и хотѣли дать церкви болѣе правильный видъ. Такъ, дѣлая хоры надъ сѣверо-западнымъ и юго-западнымъ помѣщеніями, получили бы такой-же кривобокій видъ церкви, какъ это видимъ нынѣ въ Мирожскомъ соборѣ. Здѣсь строители отчасти выходятъ изъ этого положенія тѣмъ, что боковые абсиды нѣсколько удлиняютъ и поднимаютъ ихъ до общей высоты церкви. Но такъ какъ алтарь въ это время всегда дѣлался съ тремя полукружіями, то отъ боковыхъ абсидовъ отдѣляютъ нѣкоторое пространство (*a*), ограничиваютъ его пилястрою и тогда дѣленія *a*, *a* по плану и по фасаду отвѣчали дѣленіямъ *b*, *b*. Первые хотя и остались *всегда уже вторыхъ*, но все таки вмѣстѣ съ полукружіями алтаря Фасадъ церкви являлся до нѣкоторой степени правильнымъ. Западная часть церкви, играющая роль греческаго нартекса, имѣетъ въ стѣнѣ каменную лѣстницу (*c*) на хоры, причемъ нижнія угловыя помѣщенія покрыты коробовымъ сводомъ по направленію сѣверо-южному, а верхнія надъ ними помѣщенія (хоры или палати) покрыты такимъ же сводомъ по направленію восточно-западному. *Такая перемежка въ покрытіи угловыхъ помѣщеній встрѣчается почти во всѣхъ послѣдующихъ церквахъ.* Наружное покрытіе Георгіевской церкви, какъ я полагаю, состояло изъ ряда двухскатныхъ крышечекъ съ фронтонами надъ каждымъ дѣленіемъ фасада (черт. 13, таб. I), т. е. типъ такихъ церквей на нашей сѣверной почвѣ сталъ трактоваться, какъ *рядъ клѣтей, соединенныхъ въ одно цѣлое.* Такой характеръ церковныхъ построекъ, мы видимъ въ рукописи житія Бориса и Глѣба XIV ст., (черт. 4, таб. III). Наружныя стѣны барабана нѣсколько утолщаются по наклонной линіи, (черт. в. таб. III), что говоритъ еще за недостаточную смѣлость строительныхъ пріемовъ. Здѣсь видимо старались облегчить верхнюю часть барабана и придать болѣе толстую опору въ основаніи его. Окна барабана предъидущей церкви безъ откосовъ, а Георгіевской — съ небольшими вертикальными откосами и крутымъ нижнимъ откосомъ, хотя послѣдній, судя по нишамъ между окнами, былъ также отлогій. Во всякомъ случаѣ, съ этого времени замѣтно, что въ виду климатическихъ условій устанавливается болѣе практическая

«постави и заверши церковь» означаютъ «начали и кончили ее», а подъ словомъ «заложи» вѣроятно подразумѣвается, что къ церкви сдѣлали пристройку, т. е. (заложили) закрыли церковь, или въ другомъ случаѣ — надложили (заложили верхнія части ея).

конструкція оконъ; *наружныя отверстія уменьшаются въ высоту, а для большаго освѣщенія церкви дѣлаются откосы.*

Разсмотримъ третій памятникъ, относящійся къ XII ст., церковь *Спаса Нередицы близъ Новгорода* (черт. 8 и 9, таб. I). По плану она имѣетъ такія-же формы, какъ и предъидущая, но въ виду того, что помѣщенія хоръ для женщинъ при такихъ церквахъ оказались малы, сравнительно съ остальною церковью, *то западное дѣленіе* (*а*) *уширяется и угловыя помѣщенія хоръ дѣлаются продолговатыми.* Вслѣдствіе-же увеличенія числа духовенства и количества предметовъ, потребныхъ при богослуженіи, *то же дѣлается и съ восточною частью:* полукруглые абсиды нѣсколько отходятъ къ востоку, а съ фасада получаютъ ту-же высоту, какъ и въ Мирожскомъ соборѣ. Такимъ образомъ, *планъ храма по восточно-западному направленію удлиняется и остается такимъ въ послѣдующія столѣтія* (по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ). При этомъ, какъ я уже упоминалъ, тѣ дѣленія сѣвернаго и южнаго фасадовъ, которыя примыкаютъ къ алтарной части, всегда уже соотвѣтствующихъ имъ западныхъ дѣленій. Что касается наружнаго покрытія Нередицкой церкви, то я скорѣе склоненъ думать, что она, какъ и Георгіевская церковь, была покрыта двухскатными крышечками (черт. 9, таб. I), а не на восемь скатовъ, какъ полагали гг. Горностаевъ и Прохоровъ. Въ виду своего предположенія, они даже думали, что вмѣсто полукружій на фасадѣ были такія формы, какъ показано на черт. 10 пунктиромъ (таб. I), но въ дѣйствительности даже есть признаки пофронтонныхъ покрытій. Что-же касается 8-ми скатныхъ крышъ, по одному фронтону съ каждаго фасада церкви, то они по моимъ наблюденіямъ появились только въ концѣ XIII вѣка.

Ограничиваясь пока разборомъ главныхъ формъ церквей, упомянемъ только о нѣкоторыхъ нововведеніяхъ въ церквахъ XII ст.

Судя по уставной грамотѣ Новгородскаго князя Всеволода, въ которой упоминается о придѣлѣ Св. Захарія на полатяхъ, а также по указанію Новгородской лѣтописи о построеніи въ 1224 году придѣла Бориса и Глѣба на полатяхъ при церкви Св. Павла исповѣдника, видно, что приблизительно съ конца XII в. обычай отдѣлять въ церквахъ мужчинъ отъ женщинъ сталъ утрачиваться и на *полатяхъ стали дѣлать особые придѣлы*, которые въ иныхъ мѣстахъ назывались иногда часовнями на полатяхъ.

Деревянныя дубовыя связи, находящіяся въ подпружныхъ аркахъ Нередицкой церкви, есть уже продуктъ русскаго церковно-строительнаго дѣла; онѣ, кажется, впервые были примѣнены въ Георгіевской церкви Юрьевскаго монастыря 1119—1130 г. Деревянныя связи употреблялись

не всегда, желѣзныя были введены въ нашу строительную практику сравнительно поздно (XVI—XVII в.). Около XIII ст. на внутреннихъ стѣнахъ церквей *появляются такъ называемыя голосники*. Это небольшія глиняные кувшинообразные горшки, вложенные въ стѣны горизонтально, съ отверстіями во внутрь церкви. Они располагались въ верхнихъ частяхъ сводовъ церкви и предназначались, предположительно, для бо́льшаго резонанса, хотя вопросъ этотъ не рѣшенный и подлежитъ еще тщательному изслѣдованію. Голосники эти чуть-ли не впервые попадаются въ алтарѣ Богородицкаго собора 1199 года въ Юрьевскомъ монастырѣ близъ Новгорода.

Переходя къ разбору памятниковъ XIII ст., остановимся на церкви *Іоанновскаго женскаго монастыря въ г. Псковѣ*, постр. около 1240 года. (Планъ на черт. 32, таб. I; фасадъ черт. 5, таб. III). Церковь эта, сравнительно съ другими малыми церквами Новгорода и Пскова, имѣетъ нѣсколько усложненный характеръ. Въ продолговатомъ помѣщеніи храма находятся не четыре столба, какъ это мы видѣли въ предъидущей церкви, а шесть, изъ которыхъ два четырехугольныхъ восточныхъ (*д*, *д*) приходятся за иконостасомъ церкви, а другіе четыре круглыхъ (*г*, *г*) въ самой церкви. Западное дѣленіе уже не имѣетъ характера нартекса, такъ какъ своды его на одной высотѣ со сводами другихъ дѣленій церкви и спеціальнаго устройства хоръ не видно, а сдѣланы деревянные хоры въ видѣ балкона (черт. 6, таб. III).

Къ западному фасаду церкви вѣроятно примыкала, какъ и въ настоящее время, одноэтажная пристройка, имѣющая значеніе паперти или притвора (*а*), (черт. 32, табл. I). Наружныя стѣны храма раздѣляются пилястрами, находящимися противъ внутреннихъ столбовъ храма. При этомъ сѣверный и южный фасады имѣютъ четырехчастное дѣленіе, а западный и восточный трехчастное.

Судя по сохранившимся памятникамъ зодчества Новгородско-Псковской области, круглые столбы храма встрѣчаются въ этой церкви впервые. Надо однако полагать, что этотъ пріемъ былъ взятъ изъ византійской архитектуры, гдѣ круглые столбы встрѣчаются довольно часто (ц. Пантократора въ Константинополѣ, Св. Вардія въ Солунѣ и др.). Поверхъ круглыхъ столбовъ идутъ еще, какъ бы четырехугольныя тумбы, изъ которыхъ образуются коробовыя арки и своды (черт. 6, таб. III). Хоры одновременные съ постройкою храма видимо были деревянные, такъ какъ слѣдовъ выемки сводочныхъ хоръ не замѣтно, а каменная лѣстница въ западной стѣнѣ церкви существуетъ несомнѣнно съ основанія храма. Кромѣ того, конструкція самыхъ сводовъ и высота круглыхъ столбовъ церкви не соотвѣтствуютъ устройству сводовъ для хоръ. Подпружныя арки разсматри-

ваемой нами церкви, какъ и въ предъидущихъ храмахъ, ниже слѣдующихъ за ними коробовыхъ сводовъ, (черт. 6, таб. III), *что въ послѣдующихъ Псковскихъ церквахъ XIV и XV в. дѣлалось почти всегда обратно.*

Одна изъ характерныхъ чертъ Іоанновской церкви та, что въ концахъ втораго дѣленія (*в, в*) отъ западной стѣны церкви надъ арками, перекинутыми съ круглыхъ столбовъ, возвышаются *два полые барабана съ куполками* (чер. 5, таб. III); какое назначеніе ихъ и что послужило причиною возведенія ихъ, сказать что-либо вполнѣ опредѣленное трудно — можетъ быть такія-же главы стояли и съ восточной стороны, а западное дѣленіе церкви перекрывалось отдѣльно (какъ напр. черт. 4, таб. III), но впослѣдствіи главы упали и покрытіе всей церкви измѣнилось. Другое предположеніе, и болѣе вѣроятное, это то, что при постройкѣ двухъ главъ храма имѣлась въ виду главнымъ образомъ практическая сторона, т. е. чтобы хоры (*б б*), на которыхъ пѣли монахини и читали священныя книги во время денныхъ богослуженій, освѣщались, за недостаткомъ боковаго освѣщенія, особыми свѣтовыми главами; чрезъ это храмъ съ сѣверной и южной сторонъ, гдѣ онъ имѣлъ четырехчастное дѣленіе, казался менѣе кривобокимъ, такъ какъ вводныя главки, отвлекая глазъ отъ средней главы, давали съ послѣднею впечатлѣніе общаго средняго пятна церкви (черт. 5, табл. III). Существующая нынѣ звоница была сдѣлана не одновременно съ церковью, потому что съ фасада у ея основанія замѣтны слѣды позднѣйшей надкладки.

Наружное украшеніе трибунъ Софійскаго собора, Мирожскаго, Нередицкой и Іоанновской церквей, состоящее изъ ряда полукружій (черт. 7, таб. II), есть произведеніе, какъ мнѣ кажется, сравнительно позднѣйшее (не раньше XIII в.) и явилось въ этихъ церквахъ при передѣлкѣ ихъ [1]).

Съ принятіемъ Новгородцами не только общаго характера греческихъ церквей, но и всего строя христіанскаго богослуженія, едва-ли могъ быть принятъ этотъ мотивъ украшенія, встрѣчающійся въ то время только на западѣ. Церковь Іоанна Предтечи, къ сожалѣнію, во многомъ передѣлана; такъ напр. древняя штукатурка отбита, впадины въ стѣнахъ задѣланы, деревянныя связи отпилены и т. п.

Второй весьма интересный памятникъ XIII ст. — *церковь Св. Николая на Липнѣ близъ Новгорода* (*1292 г.*) (черт. 14 и 15, таб. I). Въ планѣ она представляетъ собою квадратное помѣщеніе съ четырьмя столбами. Къ восточной сторонѣ храма прилегаетъ *одна полукруглая абсида*, хотя алтарь собственно занимаетъ еще восточное дѣленіе самой церкви (*а*). Замѣна

1) На барабанѣ церкви Св. Георгія въ Ладогѣ подобныхъ украшеній не существуетъ и надо думать, что они не отбиты, а просто не были надложены.

трехъ полукружій алтаря однимъ большимъ, конечно, дѣло не случайное, а вѣроятно, еще съиздавна намѣчался нѣкоторый подходъ къ этому. Для объясненія послѣдняго предположенія возьмемъ церковь *Прасковеи Пятницы въ Новгородѣ*. Храмъ этотъ первоначально былъ основанъ около XIII ст.; но потомъ, какъ значится въ лѣтописи подъ 1332—1340 г., горѣлъ и «порушился». Затѣмъ снова въ 1345 году «заложена и совершена церковь Св. Пятницы, что порушилася въ великій пожаръ»... Конечно, вѣрнѣе всего предположить, что новый храмъ былъ заложенъ на старомъ основаніи. Въ виду этого, существующій планъ Пятницкой церкви можно разсматривать, какъ относящійся къ концу XII или началу XIII в. Смотря на устройство алтаря этого храма (черт. 13′, таб. I), мы видимъ, что боковыя *полукруглыя абсиды замѣнены здѣсь прямоугольными*. и это вполнѣ понятно, такъ какъ подобныя полукружія въ такомъ маленькомъ масштабѣ для тогдашнихъ мастеровъ были трудно исполнимы и не давали уютности помѣщенію. Далѣе, вслѣдствіе того, что восточные столбы мѣшали молящимся видѣть весь ходъ богослуженія, а также въ виду желанія священнослужителей находиться во время выхода съ дарами подъ благословеніемъ Христа, изображеннаго въ среднемъ куполѣ, то иконостасъ переносятъ за восточные столбы храма, а алтарь образуется изъ всего восточнаго дѣленія церкви и одного большаго полукружія. Такъ какъ помѣщеніе алтаря оказалось слишкомъ просторно, *то восточное дѣленіе церкви продолжали дѣлать уже западнаго.*

Такимъ образомъ, первоначальный пріемъ устройства алтарей, когда они ясно опредѣлялись въ планѣ и въ фасадѣ самостоятельными формами, съ этого столѣтія затеривается, ибо часть алтаря входитъ въ самую церковь; *иконостасъ подходитъ къ среднему куполу, а солея приходится уже подъ нимъ, и это мы видимъ почти во всѣхъ послѣдующихъ русскихъ церквахъ.* Въ тѣхъ же случаяхъ, когда церковь имѣла пять куполовъ, то расположеніе ихъ было таково: средній куполъ и два западныхъ выходили въ церковь, а два восточныхъ въ алтарь. Послѣдніе въ Московско-Ярославской архитектурѣ иногда утиллизировались для ризницъ и казны [1]). Кромѣ появленія *одноабсиднаго алтаря вмѣсто трехабсиднаго*, мы видимъ въ Николо-Липецкой церкви и другую особенность. Такъ въ фасадахъ ея исчезаютъ *среднія пилястры* (которыя въ другихъ церквахъ отвѣчали внутреннимъ столбамъ), а остаются только угловыя, съ которыхъ идутъ по линіи

1) Въ церкви Рождества Богородицы въ бывшемъ Мехалицкомъ монастырѣ въ Новгородѣ были придѣлы надъ жертвенникомъ и алтаремъ.

фронтона (черт. 15, таб. I) украшенія въ видѣ городковъ, а надъ ними еще замѣтно очертаніе трехлопастной арки (*b*) [1]).

Судя по направленію верхнихъ украшеній фасадовъ и по слѣдамъ позднѣйшихъ угловыхъ надкладокъ, можно безошибочно сказать, что эта церковь *первоначально была покрыта на 8 скатовъ* (двумя перпендикулярно пересѣкающимися двускатными крышами, черт. 18, таб. I).

Въ подобномъ характерѣ устройства крышъ и украшеній въ видѣ городковъ, едва-ли не слѣдуетъ признать вліяніе нѣмецко-романскаго стиля. Напримѣръ, фасады боковыхъ трансептовъ и вообще центровыя части многихъ нѣмецкихъ церквей (черт. 53, табл. II) имѣютъ въ основаніи общій характеръ съ Липецкой церковью. Кромѣ того, напр. часовни (Вальдельрихова въ Мургардтѣ, черт. 7, таб. III), и даже частные дома XII ст. имѣютъ положительно тождественные мотивы съ послѣдующими церквами Новгорода и Пскова. Николо-Липецкая церковь стоитъ на подвалахъ, въ которыхъ, говорятъ, былъ особый придѣлъ. Въ послѣдующихъ церквахъ эти помѣщенія «подцерковья» не были особенно распространены.

Большая часть существующихъ нынѣ церквей находится безъ подваловъ, а только на высокомъ цоколѣ. Впослѣдствіи подвальные этажи дѣлались видимо большею частью въ монастыряхъ, гдѣ они предназначались для усыпальницъ, трапезныхъ, кладовыхъ и келій, въ городскихъ же церквахъ около рынковъ, для лавокъ и склада товаровъ.

Идя въ хронологическомъ порядкѣ, отмѣтимъ одну особенность въ церкви *Михаила Архангела во Псковѣ*. Она построена въ 1339 году по плану (за исключеніемъ придѣловъ, построенныхъ позднѣе), совершенно сходному съ только-что описаннымъ храмомъ. Особенность Михайловской церкви заключается въ устройствѣ подпружныхъ арокъ, которыя сдѣланы нѣсколько выше слѣдующихъ за ними коробовыхъ сводовъ, черт. 8, таб. III (и немного у́же столбовъ церкви). Это устройство арокъ при низкихъ церквахъ поднимало ихъ и давало болѣе легкій переходъ къ барабану.

Такое устройство сводовъ стало практиковаться не только въ послѣдующихъ церквахъ Пскова и Новгорода, но вошло *и въ Московскую архитектуру лучшаго періода.*

При разборѣ церкви Николы на Липнѣ мы видѣли, что съ появленіемъ новаго фасада церквей были выкинуты двѣ среднія пилястры, выражавшія внутренніе столбы церкви. Такая проба убранства внѣшней стороны храма, конечно, не могла удовлетворять строителей во 1-хъ по-

---

1) Спеціальный взглядъ мой на таковыя формы и развитіе ихъ въ Русскомъ зодчествѣ будетъ помѣщенъ въ трудахъ VII археологическаго съѣзда.

тому, что потерялось впечатлѣніе внутренней конструкціи сводовъ (куполъ какъ бы висѣлъ надъ церковью), а во вторыхъ безъ вертикальныхъ дѣленій, къ которымъ строители успѣли уже привыкнуть, получался болѣе приземистый и скучный видъ церкви. Вслѣдствіе этихъ соображеній строители снова вводятъ *въ украшеніе фасадовъ излюбленныя ими пилястры, и оставаясь при фронтонномъ покрытіи, увѣнчиваютъ ихъ полукружіями.* Средняя впадина заканчивалась полукругомъ (черт. 16, таб. I) или трехлопастнымъ очертаніемъ (черт. 17), а боковыя впадины дѣлались полудугами съ двумя и тремя закругленіями. Въ виду же того, что восточное дѣленіе церкви дѣлалось уже западнаго, то съ сѣвернаго и южнаго фасадовъ дѣленіе около алтаря заканчивалось двумя закругленіями, а другое иногда также двумя, но болѣе крупными, или же, какъ большею частію, тремя закругленіями (черт. 18, таб. I) (церковь Спаса Преображенія на Торговой сторонѣ, Петра и Павла въ Псковѣ и въ Новгородѣ и др.). Иногда въ этихъ случаяхъ, чтобы коньки крыши приходились противъ средины основанія церкви, боковыя закругленія (*a*) *около алтарной части поднимались* до высоты средняго закругленія (черт. 9, таб. III) (церкви Успенія Порожской въ Псковѣ, Богоявленія и др.). Закругленія состоятъ изъ двухъ впадинокъ: первая почти всегда оканчивается при переходѣ въ вертикальную линію (*a*) (черт. 10, табл. III), а вторая идетъ до основанія церкви. Въ исключительныхъ случаяхъ первая продолжается до середины церкви (*b*) (Мирожскій соборъ, чер. 11, табл. I) или до основанія церкви (Спаса Преображенія въ Новгородѣ, черт. 18). Подъ закругленіями дѣлалось иногда украшеніе, имѣющее видъ на ребро лежащихъ кирпичей (черт. 20′, табл. I).

Украшенія въ видѣ полукружія и боковыхъ полудугъ (черт. 16, таб. I) *въ нѣмецкихъ церквахъ* имѣли значеніе внутренняго покрытія сводовъ главнаго и боковыхъ нефовъ. Тамъ полудуговые своды (черт. 51, таб. II) играли роль контрфросовъ для весьма длинныхъ среднихъ стѣнъ нефовъ, которые въ этомъ случаѣ могли быть значительно тоньше, такъ какъ линія распора средняго свода передавалась въ бо́льшей степени на полудуговые своды (*a*). У насъ такое устройство сводовъ не вызывалось необходимостью, потому что церкви не имѣли длинныхъ нефовъ и были сравнительно небольшія, но между тѣмъ полудуговые своды въ Новгородскихъ церквахъ встрѣчаются не только въ угловыхъ частяхъ церкви (*a*), черт. 11, таб. III. (Ѳеодора-Стратилата въ Новгородѣ), но и въ среднихъ (*b*) (ц. Рождества Богородицы 1199 г. въ Новгородѣ). Подобное устройство сводовъ дѣлалось и въ папертяхъ (черт. 38, табл. IV).

Такимъ образомъ, форма фасадовъ (черт. 18, таб. I) видимо была принесена въ Новгородъ съ ея внутреннимъ назначеніемъ. Оказалось однако,

что полудуговые своды, какъ не достигающіе особыхъ цѣлей, скоро забылись (замѣнились по старому коробовыми), *а восьмискатная крыша, какъ болье свойственная русской архитектурѣ, надолго закрыпила стереотипныя формы фасадовъ*. Подфронтонныя ихъ закругленія перестали выражать внутреннее устройство сводовъ и дѣлались какъ-будто только по обычаю.

Продолжая дальнѣйшій разборъ Новгородско-Псковской архитектуры, отмѣтимъ постепенное появленіе нѣкоторыхъ формъ во внутреннемъ устройствѣ храмовъ. *Въ ц. Петра и Павла* во Псковѣ (1373 г.) видимъ, что вмѣсто обычныхъ прямоугольныхъ столбовъ здѣсь поставлено 4 круглыхъ. Хотя мы и видѣли этотъ пріемъ раньше, но онъ почему-то явился исключительнымъ, между тѣмъ съ конца XIV в. онъ быстро вошелъ въ строительную практику и въ XV в. получилъ нѣкоторое видоизмѣненіе, въ особенности въ Псковѣ. Такъ восточные столбы храма дѣлаются уже не круглыми, а полукруглыми (черт. 12, таб. III), что было практичнѣе для установки иконостасовъ. *Закругленіе столбовъ сдѣлалось ниже* (черт. 13, таб. III) и трактовалось не какъ украшеніе, а какъ извѣстная форма, наименѣе стѣсняющая проходъ около нея. *Западные круглые столбы также скоро понизились* до роста человѣка, и при такихъ невысокихъ круглыхъ столбахъ стали *снова дѣлать для хоръ каменные своды въ угловыхъ помѣщеніяхъ церкви*, (черт. 14, таб. III). Въ церквахъ съ высокими круглыми столбами (черт. 13, таб. III) хоры были деревянные или ихъ совсѣмъ не было (ц. XV ст. Василія Великаго, Старо-Воскресенская, Іоакимо-Іоанновская и др. церкви во Псковѣ). Круглые и полукруглые столбы при переходѣ къ четырехугольнымъ имѣютъ такую обработку, какъ показано на черт. 15, таб. III.

Къ числу новыхъ формъ начала XV ст. можно отнести особыя фронтонныя ниши надъ внутренними дверями церкви (черт. 16, таб. III) (ц. Василія Великаго 1377—1413 г.). На хорахъ (черт. 12 и 12′, таб. III) одна палатка (*а*) въ сѣверо-западномъ углу, гдѣ обыкновенно и была лѣстница на хоры, съ XIV в. дѣлалась иногда съ открытою аркою въ церковь (ц. Варлаамія, Воскресенія на Запсковьѣ и др.); другая же (*в*) съ небольшимъ окномъ (г) въ церковь. если же играла значеніе ризницы, то него не имѣла, а освѣщалась маленькимъ окошечемъ снаружи (*д*). Верхнее помѣщеніе восточнаго дѣленія церкви, соотвѣтствующее хорамъ, перекрывалось коробовымъ сводомъ по направленію восточно-западному и по обыкновенію ничѣмъ не занималось, а только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, вѣроятно, предназначалось подъ казну; такъ напр. въ ц. Успенія Пароменской въ Псковѣ надъ юго-западной частью алтаря (*ж*), черт. 12, таб. III, сдѣлано какое-то помѣщеніе, дверь въ которое со стороны алтаря не видна и находится, вѣроятно, со стороны иконостаса. Средняя арка (*з*) между восточными столбами, выходящая въ

алтарь, дѣлалась всегда открытою (отъ пола до купола), между тѣмъ боковыя арки (*и*) дѣлались низенькими и надъ ними шла стѣна съ проемною аркою (черт. 12″, таб. III) (Богоявленская церковь, Георгіевская и др. въ Псковѣ). Одноабсидные *алтари встрѣчаются въ XIV и XV ст. больше въ Новгородѣ*; въ Псковѣ они преимущественно дѣлались въ малыхъ церквахъ (безъ внутреннихъ столбовъ). Трехабсидные алтари Псковскихъ церквей *дѣлались не высокіе* и иногда до половины высоты церкви (церк. Успенія Пароменской).

Въ началѣ полукружія средняго абсида въ планѣ (черт. 12, таб. III) является родъ пилястръ (*і*), между которыми по стѣнѣ шли сѣдалища. Форма малыхъ абсидъ встрѣчается иногда не полукруглая, а какъ показано на черт. 12 (*к*), таб. III (ц. Воскресенія, Петра и Павла во Псковѣ). Эта форма видимо не случайная, такъ какъ попадается въ другихъ церквахъ, напр. въ Богородицкой Галицкой церкви и въ рукописяхъ XII ст., но объяснить значеніе ея еще пока трудно.

Переходя къ архитектурѣ слѣдующаго столѣтія, упомянемъ, что въ церкви Георгія во Псковѣ, въ видѣ исключенія, особыхъ подпружныхъ арокъ нѣтъ, а куполъ опирается прямо на коробовые своды (черт. 17, таб. III).

Кромѣ разсмотрѣнныхъ типовъ церквей, въ Псковѣ встрѣчаются еще *малыя церкви безъ внутреннихъ столбовъ*. Онѣ относятся къ XV и XVI ст. и представляютъ собою въ планѣ квадратное помѣщеніе, перекрытое довольно высокимъ *сомкнутымъ сводомъ*. Съ восточной стороны примыкаетъ алтарь, большею частью съ однимъ большимъ полукружіемъ (черт. 18, таб. III) (ц. Св. Николая во Псковѣ, несохранившаяся ц. Св. Стефана съ Луга, Спаса Преображенія Надолбина монастыря въ Псковѣ и др.). Рѣдкій случай тройнаго алтаря видимъ въ церкви Ново-Вознесенской во Псковѣ, гдѣ хотя и существуютъ два полукружія, но третье, очевидно, было отломано вмѣстѣ съ соприкасавшимся къ нему придѣломъ. Къ западной стѣнѣ этихъ малыхъ церквей придѣлывалась паперть (*а*) и крыльцо (*в*), или только послѣднее (бывшая ц. Великомуч. Димитрія въ Домонтовой крѣпости, по рисунку Гадовикова), черт. 44, таб. IV.

При покрытіи сомкнутымъ сводомъ бо́льшаго пространства церкви, не давая слишкомъ значительной толщины стѣнамъ, ставили на послѣднихъ особыя главки (*а, а*). Вѣсъ ихъ (*q*), черт. 19′, таб. III, съ распоромъ сомкнутаго свода (*р*) составлялъ равнодѣйствующую (*R*), которая, въ силу закона устойчивости опоры, оставалась въ границахъ (*а с*) $^2/_3$ основанія стѣны. Съ XVI в. *Новгородско-Псковская архитектура видимо поддается*

вліянію зародившагося тогда новаго Московскаго зодчества и мало по малу отрѣшается отъ обычныхъ наружныхъ формъ.

Разсматривая церковь *Бориса и Глѣба* въ Новгородѣ (черт. 21, таб. I), мы видимъ, что при обыкновенномъ Новгородскомъ планѣ появляются какъ-бы новыя внѣшнія формы: церковь уже не одноглавая, какъ это было во всей предъидущей Новгородско-Псковской архитектурѣ, *а пятиглавая*. Затѣмъ, въ фасадахъ ея уже не встрѣчается такихъ закругленій, какъ на черт. 16, 17, 18, 19, 20, таб. I, а принятъ *арочный мотивъ*, какъ это было первоначально въ Новгородско-Псковскихъ церквахъ и какъ это велось еще въ Московской архитектурѣ. Существующее покрытіе арочныхъ дѣленій фронтонами (черт. 21, таб. I), также въ сущности было не ново, а только забылось подъ стереотипнымъ фасадомъ XV и XIV ст. Алтарь церкви Бориса и Глѣба состоитъ еще изъ одного полукружія, но только въ украшенія его карнизовъ, также какъ и барабановъ, входятъ *ряды пятиугольныхъ впадинокъ* (черт. 10, таб. II), перенесенныхъ сюда несомнѣнно съ деревянной архитектуры, равно какъ и самыя формы четырехъ главъ церкви. Съ этого времени фасады церквей подраздѣляются *горизонтальными поясками, украшаются пятиугольными нишками съ изображеніями святыхъ*[1]), *полукруглыми впадинками съ заостреніями и т. п.* Церкви преимущественно *строятся на высокихъ подвалахъ*. Алтарь остается еще съ однимъ полукругомъ. Восьмискатная крыша дѣлается, *но при другой обработкѣ фасада* (черт. 20—21, таб. III); Покровская ц. Александро-Свирскаго монаст., Трапезная ц. въ Антоніевскомъ монаст.). *Наружныя стѣны обдѣлываются изящнѣе и церкви получаютъ болѣе стройныя пропорціи*, (черт. 24, таб. I; въ ц. Хутынскаго монастыря, близъ Новгорода). Далѣе, при окончательномъ объединеніи русскаго государства, архитектура *Новгородско-Псковской области вступаетъ въ общую связь съ Московско-Ярославскою* архитектурой и по всей Руси устанавливается одно народное зодчество. Къ этой эпохѣ относится *соборъ въ Вяжетскомъ монаст. близъ Новгорода*, черт. 22, таб. III (ц. Знаменскаго монаст., Псковской соборъ и др.). Судя по убранству церкви Іоанна Богослова въ Вяжецкомъ монаст., надо предположить, что въ Новгородѣ съ большимъ успѣхомъ *прививалось и изразцовое дѣло*.

Затѣмъ, чтобы закончить обозрѣніе общихъ формъ Новгородско-Псковскихъ церквей, скажемъ нѣсколько словъ *объ исключительномъ расположеніи куполовъ, о наполатныхъ лѣстничныхъ башняхъ, а также о церковныхъ папертяхъ, придѣлахъ и крыльцахъ*.

---

1) Соборъ въ Хутынскомъ монастырѣ, близъ Новгорода.

Въ церкви Св. Георгія въ Юрьевскомъ монастырѣ и въ Богородицкой церкви въ Антоніевскомъ монастырѣ (XII ст.), черт. 24, 25, 26, таб. III и черт. 31, таб. I, мы видимъ, что въ юго-западномъ углу ихъ (*а*) въ дѣленіяхъ, имѣющихъ значеніе притворовъ, *возвышаются отдѣльно каменные барабаны съ главами*. Объ устройствѣ этихъ главъ въ Новгородскихъ лѣтописяхъ ничего не говорится, между тѣмъ, если бы онѣ относились ко времени построенія упомянутыхъ храмовъ, то лѣтопись не преминула бы указать на нихъ, ибо устройство ихъ, какъ нарушеніе симметріи и общепринятаго типа храма, было вызвано особою, немаловажною причиною. Помѣщеніе подъ главами, вѣроятно, предназначалось для особыхъ придѣловъ, куда игумены удалялись для молитвы; можетъ быть, это и были тѣ божницы, о которыхъ упоминаютъ лѣтописи, напр. подъ 1125 г. «исписаша божницу Антонову». Построеніе ихъ, равно какъ и всего дѣленія (*а*, *в*, *в*, *б*) съ башнями на противоположныхъ углахъ, по моему мнѣнію, слѣдуетъ относить къ XIII—XIV ст. О другомъ мотивѣ расположенія главъ я говорилъ при описаніи Іоанновскаго монастыря. Тамъ, черт. 32, таб. I, мы видѣли, что кромѣ одной средней главы, были рядомъ съ нею въ западной части храма еще двѣ главы, которыя вѣроятно предназначались для освѣщенія хоръ.

Подобное расположеніе главъ мы видимъ въ церкви *Ризъ-Положенскаго монастыря* въ г. Суздалѣ, черт. 33, таб. I. (Мы беремъ ее потому, что она, судя по всѣмъ формамъ, строена Новгородскими мастерами). Здѣсь средняя глава (*а*) поставлена на сомкнутомъ сводѣ, а двѣ добавочныя главы (*в*, *в*) находятся предъ малыми абсидами алтаря (*с*, *с* — распалубки въ сомкнутомъ сводѣ). Устройство этихъ главъ объясняется тѣмъ, что надъ этими алтарными помѣщеніями дѣлались другія — для казны и ризницы, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ играли роль тайниковъ и тогда ходъ на нихъ былъ скрытъ на чердакѣ (церковь Св. Троицы въ г. Твери).

Что касается *угловыхъ башенъ* (*б*, *б*), черт. 24—26, таб. III и черт. 31, таб. I, при соборахъ Юрьевскаго и Антоніевскаго монастырей, а равно и при Софійскомъ соборѣ, то происхожденіе ихъ едва-ли можетъ быть отнесено ранѣе, какъ къ XIII—XIV в. По крайней мѣрѣ въ Новгородскихъ лѣтописяхъ объ этихъ башняхъ, кажется, впервые упоминается подъ 1403 г., когда «у Св. Софіи маковица огорѣла полатная, что въ которой лѣствица въ Софіи на полати». Въ башняхъ этихъ помѣщалась главнымъ образомъ лѣстница на хоры или полати. Затѣмъ нѣсколько выше было помѣщеніе для казны и ризницы. Въ башнѣ же Антоніевскаго собора видимо еще съ древнихъ временъ былъ устроенъ особый придѣлъ. Кромѣ того, эти башенныя постройки играли еще, вѣроятно, роль «мѣшковъ», куда сажались провинившіеся монахи, такъ какъ подобныя башни были кажется только при монастыряхъ (Ми-

рожскій, Юрьевскій, Антоніевскій и др.) и въ видѣ исключенія при Софійскомъ соборѣ, который въ сущности управлялся также монахами. Типъ постройки такихъ башенъ напоминаетъ крѣпостныя сооруженія, и можетъ быть, онѣ были вызваны не только практическими цѣлями повседневной жизни, но служили мѣстомъ наблюденія и обороны отъ непріятеля. Во всякомъ случаѣ, такое большое помѣщеніе при тогдашнихъ средствахъ монастырей едва-ли могло предназначаться исключительно для лѣстницы на полати, а вѣроятно вызвано болѣе важною причиною.

Относительно первоначальнаго построенія *особыхъ придѣловъ* къ церквамъ, Новгородскія лѣтописи умалчиваютъ, но судя по уставной грамотѣ Новгородскаго князя Всеволода, гдѣ упоминается о придѣлѣ Св. Захарія на полатяхъ, видно, что таковыя существовали у насъ еще въ началѣ XII ст. *Первые придѣлы*, какъ видно и изъ послѣдующихъ указаній лѣтописи, строились у насъ на полатяхъ въ сѣверо-западномъ и юго-западномъ углахъ церкви и имѣли такое устройство, какъ показано на черт. 27, таб. III.

Что же касается придѣловъ въ видѣ особыхъ пристроекъ съ сѣверной и южной сторонъ церкви, то они явились, вѣроятно, не раньше второй половины XII ст. Происхожденіе ихъ нужно приписать тому, что наши Новгородскіе епископы и князья часто погребались въ притворахъ храма, что было въ обычаѣ въ греческихъ церквахъ, и затѣмъ для служенія по усопшимъ, при папертяхъ стали дѣлать особые придѣлы въ связи съ алтаремъ. Новгородскій лѣтописецъ, упомпная о кончинѣ князя Мстислава Ростиславича (1180 г.), говоритъ: «и положиша ѝ въ Святѣй Софіи у Св. Богородицы»; это указаніе само по себѣ не вполнѣ ясно, но принимая во вниманіе, что существующій нынѣ придѣлъ Богородицы, съ полукруглою абсидою, упоминается въ слѣдующихъ столѣтіяхъ, то надо предположить, что около 1180 года уже были придѣлы въ видѣ особыхъ пристроекъ.

Въ слѣдующихъ вѣкахъ хотя и упоминается о подобныхъ придѣлахъ, но все какъ-то не ясно, въ какомъ мѣстѣ и какого именно вида. Во всякомъ случаѣ, устройство первоначальныхъ придѣловъ едва-ли во многомъ отличалось отъ существующихъ нынѣ древнихъ придѣловъ Новгородско-Псковскихъ церквей, а потому прослѣдимъ устройство ихъ по существующимъ формамъ.

О придѣлахъ, находящихся на полатяхъ или хорахъ, я уже упоминалъ раньше, а теперь остановимся *на придѣлахъ — пристройкахъ*. Въ Новгородскихъ церквахъ видимо придѣлы не были въ такомъ употребленіи, какъ во Псковѣ, и если попадаются, то больше въ особыхъ западныхъ помѣщеніяхъ, называвшихся въ старину трапезными (церковь Ѳедора Стратилата), или же сравнительно въ позднихъ (XVII ст.) сѣверныхъ и южныхъ при-

стройкахъ церквей. Поэтому мы остановимся на придѣлахъ Псковскихъ храмовъ.

Въ существующихъ церквахъ до XIV стол. мы почти не видимъ придѣловъ, но съ этого времени встрѣчаемъ ихъ довольно часто. Замѣтно *при этомъ, что придѣлы сначала ставились только съ одной стороны церкви*, напр. съ южной или сѣверной, а съ другой отвѣчала имъ подобная-же пристройка (палатка), но безъ алтарной части, черт. 28, таб. IV (ц. Василія Великаго, Іоакима и Анны и др.). Къ придѣламъ обыкновенно примыкали паперти (получившія въ Московской архитектурѣ видъ галлерей), которыя обходили церковь съ трехъ сторонъ въ видѣ корридоровъ. Фасадныя стороны придѣловъ обрабатывались въ такомъ же родѣ, какъ и сама церковь, черт. 29, 30, таб. IV (ц. Василія В., Богоявленія и пр.). Наружное *покрытіе придѣловъ было на два ската*, черт. 30, или же на одинъ скатъ вмѣстѣ съ папертью. Надъ придѣломъ ставилась маленькая главка (черт. 29). Внутреннее пространство небольшихъ придѣловъ, равно какъ и др. помѣщеній, покрывалось коробовыми сводами [сомкнутый и крестовый сводъ вошелъ въ строительную практику Псковичей нѣсколько позднѣе]. Въ тѣхъ случаяхъ, когда надъ придѣлами ставились не глухія шейки съ главами, а открытыя (полыя), то дѣлали такую комбинацію арочныхъ перекрытій: (черт. 31, таб. IV) [ц. Св. Николая со Усохи] сначала перекидывали двѣ полуциркульныя арки (*а*, *а*), затѣмъ между этими арками дѣлали коробовые сводики (*в*, *в*) въ обратномъ направленіи; надъ образовавшимся квадратнымъ отверстіемъ выводили паруса и уже на нихъ ставили небольшой каменный барабанъ, замыкая его сферическимъ сводикомъ. Этотъ арочный переходъ къ среднему отверстію, вѣроятно, казался еще нѣсколько крупнымъ и мало поднимающимся, особенно при большихъ помѣщеніяхъ. Тогда (черт. 32—34, таб. IV) перекрываемое пространство какъ бы дѣлилось на пять равныхъ частей, и сперва перекидывались арки (*а*, *а*), потомъ выше ихъ такія же арки (*в*, *в*), а затѣмъ въ обратномъ направленіи дѣлали четыре сводика (*с*, *с*, *д*, *д*), опирающихся на щеки арокъ (*в*, *в*) и возвышающихся одинъ надъ другимъ. Надъ оставшимся среднимъ квадратнымъ пространствомъ, какъ и въ предъидущемъ случаѣ, возводили барабанъ съ куполкомъ. Такое перекрытіе поднимало низкія помѣщенія придѣловъ и, давая постепенный переходъ къ отверстію барабана, устраняло впечатлѣніе простой вырѣзки въ сводѣ. *Такой мотивъ арочныхъ сводовъ трактовался затѣмъ и въ Московской архитектурѣ.*

Первое *появленіе папертей* или притворовъ въ Новгородско-Псковскихъ церквахъ относится, вѣроятно, къ XII ст., такъ какъ въ это время

(подъ 1144 г.) Новгородскій лѣтописецъ прямо говоритъ: «исписаша честно всѣ притворы въ Св. Софіи».

Паперти эти, надо полагать, обходили храмъ съ трехъ сторонъ, но были ли они одноэтажные, какъ напр. въ ц. Св. Апостоловъ въ Ѳессалоникахъ, или двухъэтажныя съ хорами въ родѣ Св. Софіи въ Ѳессалоникахъ, сказать вполнѣ опредѣленно довольно трудно.

Что касается нѣкоторыхъ малыхъ древнихъ церквей Новгорода и Пскова, какъ напр. Мирожской, Нередицкой и др., то утверждать существованіе при нихъ когда-либо каменныхъ папертей, построенныхъ одновременно съ церквами, положительно нѣтъ данныхъ и мнѣ кажется, при подобныхъ церквахъ XII и XIII ст. чаще *строились деревянныя паперти, имѣвшія значеніе тамбуровъ*. Родъ такой маленькой каменной паперти мы видимъ въ одной изъ раскопанныхъ Н. Е. Бранденбургомъ церквей въ Ст. Ладогѣ. Въ сельскихъ церквахъ, куда собирались на молитву изъ далекихъ концовъ прихода, это помѣщеніе увеличивалось для отдыха, бесѣдъ о церковныхъ дѣлахъ и трапезы прихожанъ. Съ введеніемъ братчины, эти помѣщенія сдѣлались обычными и назывались трапезными, къ которымъ придѣлывались свои притворы. Что касается тѣхъ папертей, на верху которыхъ помѣщались хоры, то онѣ въ нашихъ церквахъ, дѣлаясь *слишкомъ открытыми, скоро затерялись и вошли въ составъ самой церкви* (черт. 6, таб. III, черт. 32, таб. I). Въ послѣдствіи это помѣщеніе часто дѣлалось только для увеличенія пространства церкви, а въ XVII ст. *въ Московской архитектурѣ даже выбросили столбы и соединили это помѣщеніе съ слѣдующимъ дѣленіемъ церкви однимъ общимъ сводомъ*.

Паперти въ существующихъ церквахъ съ троечастными дѣленіями, примыкая къ церкви съ одной западной стороны или обходя ее съ трехъ сторонъ, *дѣлались всегда одноэтажныя*. Паперти эти имѣютъ видъ корридоровъ съ маленькими окнами, и если обходили церковь съ трехъ сторонъ, то раздѣлялись на сѣверную (*а*), южную (*а″*) и западную (*а′*) (черт. 28, таб. IV). Боковыя паперти и палатки покрывались коробовыми сводами, параллельными главной оси церкви, а западная паперть раздѣлялась арочками и каждая часть крылась коробовымъ сводикомъ также параллельно главной оси церкви (черт. 35, таб. IV; ц. Михаила Архангела и Петропавловская XIV ст.). Позднѣе *западныя паперти почти всегда раздѣлялись на три части* (*а*, *а*, *в*), черт. 36, таб. IV, изъ которыхъ средняя (*в*) покрывалась коробовымъ сводомъ по направленію продольной оси церкви, а другія части (*а*, *а*) коробовыми сводами по сѣверо-южному направленію, причемъ шальга ихъ (*б*, *б*, черт. 37) приходилась у пятъ средняго свода. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ боковыя дѣленія покрывались полудуговыми сводами

(*в*, *в*, черт. 38, таб. IV; у Св. Николая со Усохи). Въ соединеніи боковыхъ сводовъ съ среднимъ иногда дѣлалась вводная арочка (*д*, черт. 37, таб. IV). Это расположеніе сводовъ соотвѣтствовало и внѣшнему двухскатному покрытію паперти. Послѣдняя иногда покрывалась и однимъ сводомъ по сѣверо-южному, (черт. 39) или по восточно-западному направленію, (черт. 40, таб. IV; церковь Іоакима и Анны). Наружныхъ украшеній паперти почти не имѣли. При болѣе древнихъ небольшихъ церквахъ паперти дѣлались только съ западной стороны, какъ это замѣтно и въ Аѳинскихъ церквахъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ между папертью и церковью дѣлалось особое помѣщеніе — *трапезная* (Богородицкая церковь въ Святогорскомъ монастырѣ). Такія помѣщенія часто встрѣчаются въ Новгородскихъ церквахъ, но только вмѣсто паперти или крыльца передъ ними находятся колокольни.

Одною изъ характернѣйшихъ чертъ Псковскихъ церквей — это *каменныя крыльца*, прилегавшія къ западнымъ папертямъ. Они напоминаютъ греческіе экзонартексы, но только въ меньшихъ размѣрахъ; первоначальный типъ ихъ (черт. 41, 42, таб. IV) представлялъ собою двѣ невысокія стѣны (*а*, *а*), соединенныя коробовымъ сводомъ, поверхъ котораго находилась двухскатная крыша. Окончаніе стѣнъ съ фасада обдѣлывалось въ родѣ толстыхъ полуколоннъ (*в*, *в*). Въ послѣдствіи крыльца состояли изъ двухъ не высокихъ столбовъ впереди паперти, съ которыхъ перекинуты двѣ арки на стѣны паперти, а третья арка между столбами (черт. 43, таб. IV). Послѣдніе отъ цоколя *а* почти до пятъ арокъ *в* имѣли видъ толстыхъ круглыхъ столбовъ съ нѣкоторымъ переходомъ въ родѣ капителей [1]) (черт. 15, таб. III). Крыльца эти покрывались также большею частью двухскатными крышами. Надъ западной аркой крыльца иногда возвышалась звоница съ двумя меньшими столбами и аркой между ними. *Такія крыльца въ маленькихъ церквахъ*, гдѣ не дѣлалось папертей, *становились прямо къ западной стѣнѣ* церкви, черт. 44, таб. IV, (бывшая церковь Великомученика Димитрія въ Домонтовой крѣпости, по рисунку Гадовикова, Георгіевская съ взвозу и др.). Въ крыльцахъ иногда помѣщались небольшіе колокола, замѣняя такимъ образомъ звоницы (Св. Николая, Климента во Псковѣ и др.). Заканчивая описаніе главнаго устройства церквей Новгородско-Псковской области, скажемъ нѣсколько словъ *о звоницахъ и колокольняхъ*, а затѣмъ перейдемъ къ описанію наружныхъ украшеній церквей. Не вдаваясь въ описаніе первоначальныхъ сооруженій для вѣшанія колоколовъ и ихъ

1) Эти крыльца или рундуки получили свое полное развитіе въ Московскомъ зодчествѣ.

развитія въ Россіи, упомяну только о нѣкоторыхъ моихъ наблюденіяхъ относительно существующихъ звонницъ и колоколенъ Новгородско-Псковскаго края [1]).

Къ сожалѣнію до нашаго времени не сохранилось построекъ для вѣшанія колоколовъ ранѣе XV в. Показаніе же лѣтописей о колокольницахъ начинаются только съ XIV в. и то въ весьма короткихъ и неопредѣленныхъ фразахъ. Существованіе же у насъ колоколовъ при храмахъ упоминается еще съ 1066 г., когда «Всеславъ, князь Полоцкій, взялъ Новгородъ и колокола снялъ у Св. Софіи . . .». Такимъ образомъ, разсужденія о первоначальныхъ формахъ построекъ для вѣшанія колоколовъ могутъ быть довольно разнорѣчивы. Судя по сохранившимся колокольницамъ XV и XVI ст., можно однако-же съ увѣренностію сказать, что предъидущія постройки были одного характера съ настоящими, но только менѣе сложныхъ формъ, чѣмъ напр. Новгородско-Софійская звоница. О первоначальныхъ Псковскихъ каменныхъ колокольницахъ XIV в., судя по обычному выраженію лѣтописи: «совершены перши у Крому и колокольницу на стѣнѣ на персехъ поставили», можно думать, *что это были невысокіе четыреугольные столбы съ деревянными перекладинами, возвышающіеся надъ стѣнами Крома*, т. е. болѣе выдѣленная часть надстѣннаго парапета, состоящаго изъ ряда столбиковъ или зубцовъ. Подобныхъ колокольницъ въ Новгородской области видимо не сохранилось, но существующія надстѣнныя *колокольницы, напр. въ Ростовскомъ кремлѣ, вѣроятно обязаны своимъ происхожденіемъ Пскову*. При нѣкоторомъ же развитіи надстѣнныхъ колокольницъ, онѣ, какъ видно и изъ лѣтописей, обдѣлывались съ основанія въ видѣ самостоятельнаго строенія, служившаго въ то-же время продолженіемъ стѣны.

Въ тѣхъ же случаяхъ, когда церкви стояли вдали отъ городскихъ стѣнъ, то колокольницы (или, какъ у насъ ихъ принято теперь называть, звоницы) ставились при самыхъ церквахъ. *Первоначальное устройство такихъ звонницъ было вѣроятно на самыхъ стѣнахъ церкви*, какъ напр. въ древнихъ церквахъ Сѣв. Италіи, черт. 38′, 38″, таб. I (на piazzo di S. Cosimo въ Генуѣ) или какъ на черт. 38. Послѣдній мотивъ звонницъ находится и въ нашихъ церквахъ, напр. Св. Сергія во Псковѣ, черт. 36, таб. I. Если прихожане церкви располагали большимъ числомъ колоколовъ, то

1) Самыя примитивныя приспособленія для колоколовъ мы видимъ въ путешествіи Олеарія, на древнихъ миніатюрахъ, образахъ и т. п. Это деревянныя перекладины съ деревяннаго столба на подоконникъ церкви, или же со столба на столбъ въ видѣ воротъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда церковь стояла вблизи городской стѣны, то деревянныя перекладины перекидывались со стѣны церкви на городскую стѣну въ родѣ того, какъ показано на черт. 34, таб. I.

стѣнку *звоницы* дѣлали *съ двумя этажами пролетовъ*, выдвигая ее по направленію одной изъ стѣнъ церкви (черт. 35, таб. I; изъ древняго вида Пскова). Такой пріемъ, разумѣется, не могъ удовлетворить строителей въ художественномъ отношеніи и тогда *стѣна эта относится отъ церкви и получаетъ самостоятельное развитіе* (черт. 37; изъ древняго плана Пскова). Одна изъ простыхъ колокольницъ такого рода находится при церкви Успенія Пароменской, относящаяся къ XV ст. (черт. 39). Восточный фасадъ ея имѣетъ видъ высокой стѣны, верхняя часть которой обдѣлана въ видѣ столбовъ съ арочками. Эти арочки въ зависимости отъ величины колоколовъ имѣютъ различную ширину. Судя по рисункамъ колокольницъ на образахъ и миніатюрахъ, верхнія арочки ихъ покрывались [щепичными] *двускатными крышечками*. Къ нижней части колокольницы придѣлывались еще три стѣны, образуя такимъ образомъ особое помѣщеніе, служившее въ одно время контрфорсомъ колокольницы, а въ другое для практическихъ цѣлей (кладовыхъ, амбаровъ и т. п.). Эти пристройки покрывались односкатной крышей, на которой дѣлался помостъ для звонарей. Такія помѣщенія иногда дѣлались съ одной стороны звоничной стѣны въ два этажа, а съ другой въ одинъ (колокольня при церкви Богоявленія въ Псковѣ).

Какъ болѣе сложный и художественный типъ подобныхъ колокольницъ, можетъ быть приведена звоница Новгородскаго-Софійскаго собора 1439 г. (черт. 45, таб. IV). Она состоитъ изъ трехъ этажнаго помѣщенія, на верху котораго по одной стѣнѣ возвышается рядъ арокъ; изъ нихъ одна средняя выше и шире остальныхъ четырехъ. На крышѣ у основанія арокъ сдѣланъ помостъ для звонарей. Стѣны всей колокольницы (вѣроятно въ XV—XVI ст.) украшены квадратными и пятиугольными впадинками, карнизиками, наличниками и т. п. Верхнее покрытіе колокольницы, какъ видно изъ стариннаго образа, о которомъ упоминаетъ В. В. Стасовъ въ разборѣ сочиненія архимандрита Макарія, было пофронтонное, какъ на черт. 39, таб. I. Одновременно съ этими колокольницами были въ большомъ *ходу звоники надъ западною стѣною притворовъ и крыецъ*. Эти колокольницы состоятъ изъ двухъ и трехъ арочекъ (церковь Никиты Гусятника) съ круглыми столбами, покоющимися на срединѣ западной стѣны притвора (по верхъ крыши ея), черт. 43, таб. IV (церковь Іоакима и Анны). Звоники надъ западною аркою крыецъ дѣлались въ такомъ родѣ, какъ показано на черт. 44, таб. IV. Арочки колокольницъ дѣлались съ фасками и съ приподнятымъ центромъ относительно верхняго перехода (*в*) [отъ круглаго столба къ прямоугольному массиву] (черт. 15, таб. III). Всѣ вышеописанныя колокольницы есть принадлежность Псковскихъ церквей. Послѣднія хотя дѣлались и въ Новгородѣ, но видимо не пользовались большими сим-

патіями, а давалось преимущество колокольнямъ. Простѣйшій типъ послѣднихъ представлялъ собою невысокую башню съ продолговатымъ или квадратнымъ основаніемъ (черт. 40, таб. I; колокольня церкви Петра и Павла). По мѣрѣ же увеличенія числа колоколовъ количество пролетовъ въ колокольняхъ увеличивалось или по горизонтальному направленію въ видѣ продолговатой башни или по вертикальному, причемъ дѣлались восьмигранныя колокольни съ двумя ярусами пролетовъ[1]) (черт. 1 и 2, таб. II; колокольня Нередицкой церкви, построенная хотя и въ прошломъ ст., но по образцу древнему). *Существующія колокольни* Новгорода относятся преимущественно къ XVII в. и имѣютъ видъ невысокой восьмигранной башни, поставленной на прямоугольномъ основаніи и увѣнчанной шатровымъ покрытіемъ (черт. 42, табл. I). Въ виду различной величины колоколовъ, тѣ плоскости восьмигранника, которыя служатъ продолженіемъ плоскостей квадратнаго основанія колокольни, дѣлались шире другихъ сторонъ восьмиугольника, вслѣдствіе чего колокольни имѣли 4 большихъ пролета (*a*, *a*...) и 4 меньшихъ (*b*, *b*...) (чер. 41, таб. I). Прототипомъ (Ѳеодоровской, чер. 42, и др.) подобныхъ колоколенъ вѣроятно послужила Евфиміевская башня 1436 г., въ которой также находятся полукруглыя впадинки и въ верхней части маленькіе пролеты (покрытіе ея очевидно было шатровое).

Въ послѣдующихъ колокольняхъ Новгорода дѣлаются *слуховыя окна, квадратныя и полукруглыя впадинки, наличники и т. п. Словомъ, характеръ ихъ принимаетъ видъ колоколенъ Московской архитектуры* (колокольня Никольскаго собора (чер. 46, таб. IV). Въ колокольняхъ Псковскихъ церквей замѣтна та разница, что верхъ ихъ, т. е. самый звонъ, обдѣлывался арочками съ приподнятымъ центромъ и закругленными устоями (Старо-Вознесенская церковь). Псковскія колокольни дѣлались видимо невысокія и ставились иногда надъ крыльцами передъ папертью (чер. 47, таб. IV; бывшая церковь Преображенія Надолбина монастыря). *Этотъ мотивъ довольно удачно былъ развитъ въ Московской архитектурѣ.* Кромѣ вышеописанныхъ колоколенъ были еще надворотныя — (при церкви Михаила Архангела въ Псковѣ) и надцерковныя, о которыхъ будетъ сказано ниже. Затѣмъ извѣстно по рукописнымъ указаніямъ, что, напримѣръ, въ Юрьевскомъ монастырѣ въ 1619 г. была каменная *четырехъ-угольная колокольня о пяти шатрахъ.*

Этотъ мотивъ мы встрѣчаемъ въ деревянныхъ колокольняхъ (напри-

---

1) Звонъ малыхъ колоколовъ происходилъ иногда отъ раскачиванія не языка, а всего колокола, какъ это было и на западѣ.

мѣръ на Ракульскомъ погостѣ Архангельской губ.) надъ церквами и даже надъ придѣлами (несохранившійся при Соль-Вычегодскомъ соборѣ).

Переходимъ теперь къ описанію наружныхъ *формъ и украшеній храмовъ*. *Алтари*, какъ только появились въ Новгородской землѣ по Византійскому плану, такъ сейчасъ-же подверглись практическимъ видоизмѣненіямъ. Я уже говорилъ, что боковыя абсиды скоро сдѣлались значительно ниже, (чер. 3, таб. II) затѣмъ превратились въ прямоугольныя (чер. 3′) и наконецъ совсѣмъ отпадаютъ. *Алтарь во многихъ церквахъ сталъ дѣлаться съ одной абсидой*. Относительно наружныхъ украшеній замѣтно, что Новгородцы, какъ только получили себѣ въ наслѣдіе извѣстныя формы греческихъ храмовъ, такъ сейчасъ-же, соображаясь съ своими силами, сдѣлали рѣшительную разборку всего матеріала и при первыхъ личныхъ опытахъ каменнаго дѣла, разумѣется, отрѣшились отъ большинства трудныхъ архитектурныхъ украшеній.

Въ Софійскомъ соборѣ, который строили вѣроятно не Новгородскіе мастера, еще видны остатки украшенія алтаря въ видѣ вертикальныхъ жгутовъ (полуваликовъ, идущихъ отъ земли до крыши), но уже въ слѣдующихъ церквахъ до XIV ст. мы видимъ алтарныя абсиды безъ украшеній. Далѣе, *когда каменное производство уже получило нѣкоторое развитіе, алтари снова украшаются по завѣщаннымъ мотивамъ*. Украшенія ихъ состоятъ также изъ тоненькихъ вертикальныхъ валиковъ, расходящихся въ верху полуциркульными арочками (чер. 4, таб. II). Болѣе сложный мотивъ подобныхъ украшеній мы видимъ въ одно-абсидныхъ церквахъ, чер. 5 (Спаса Преображенія, Ѳеодора Стратилата на Торговой сторонѣ въ Новгородѣ). Это тѣ-же вертикальные жгутики, но только на верху у крыши они расходятся на двѣ арочки, между которыми идутъ полукруглыя нишки съ двумя углубленіями. Ниже этого ряда мелкихъ арочекъ идутъ другія болѣе крупныя, — въ серединѣ которыхъ находятся также глухія полукруглыя впадинки. Говоря объ этихъ украшеніяхъ, мнѣ припомнился мотивъ Сирійскаго орнамента VII—VIII ст. (Собраніе орнаментовъ В. В. Стасова), чер. 48, таб. IV. Онъ въ основѣ своей вполнѣ тождественъ съ вышеприведенными украшеніями алтарей Новгородскихъ церквей и въ особенности съ алтарнымъ украшеніемъ Благовѣщенской церкви XVII ст. въ городѣ Каргополѣ Олонец. губ., а также съ украшеніемъ главы въ ц. Николы на Берсеновкѣ въ Москвѣ (чер. 49—49′, таб. IV). Подобный же характеръ украшенія алтарныхъ выступовъ мы видимъ и въ Италіи, напр. въ абсидѣ церкви Св. Фоска въ Торчелло (чер. 50, таб. IV). Какимъ образомъ явилась сходственность вышеприведенныхъ мотивовъ архитектурныхъ украшеній въ столь отдаленныхъ краяхъ, сказать что-либо опредѣленно,

положительно трудно. Было ли это случайное сходство или же дѣло вліянія Сиріи — вопросъ будущаго. Кромѣ этихъ украшеній съ XIV в. вошли въ употребленіе особые карнизики (чер. 6, таб. II; Успенія — Пароменской въ Псковѣ); они состоятъ изъ горизонтальныхъ тягъ, двухъ рядовъ кирпичей съ выпускными ребрами и кирпичей подъ угломъ 45°, образуя трехугольныя впадинки. Въ XV—XVI ст. украшеніе алтарей состоитъ иногда изъ двухъ ярусовъ полукруглыхъ впадинокъ съ заостреніемъ, а въ карнизахъ дѣлался рядъ пятиугольныхъ впадинокъ (чер. 20, таб. III; Покровская ц. Александро-Свирскаго монастыря).

Украшеніе церковныхъ барабановъ было также несложное. Трудно сказать, какія были первоначальныя украшенія барабана Софійскаго Собора и одновременныхъ съ нимъ церквей, но только понынѣ существующія украшенія (чер. 7, таб. II), мнѣ кажется, не одновременны съ построеніемъ храмовъ XI—XII ст., такъ какъ въ Византійской архитектурѣ, которая трактовалась при первыхъ Новгородскихъ церквахъ, такого мотива не встрѣчается. Устройство карнизовъ первоначально, вѣроятно, состояло изъ трехъ, двухъ прямолинейныхъ тягъ и изъ двухъ или трехъ рядовъ кирпичей съ выпускными ребрами въ перемежающемся порядкѣ. Эти карнизики могли показаться малозаканчивающими строеніе и тогда, надо думать, былъ взятъ новый мотивъ изъ нѣмецко-романской архитектуры, состоящій изъ ряда полукружій (чер. 7), подъ которыми стали прокладывать рядъ кирпичей съ выпускными ребрами. Такой мотивъ видимо продержался до XIV в., а затѣмъ онъ, хотя и остается, но уже дѣлается мельче (чер. 8, таб. II ц. Спаса Преображенія на Торговой сторонѣ въ Новгородѣ). Подъ полукружіями идетъ поясокъ съ треугольными углубленіями или состоящій изъ ряда кирпичей, положенныхъ съ выдающимися ребрами. Ниже идутъ опять полукруглыя впадинки или ряды кирпичей съ выпускными ребрами. Въ XVI ст. въ украшеніе карнизовъ вошли *фронтончатыя пятиугольныя впадинки*, которыя составлялись въ видѣ цѣлаго ряда (чер. 10, таб. II: ц. Бориса и Глѣба въ Новгородѣ). Позднѣе эти пятиугольныя *впадинки соединились попарно въ такой рисунокъ*, какъ показ. на чер. 10′ (Ѳеодора Стратилата на Софійской сторонѣ въ Новгородѣ). Кромѣ комбинаціи всѣхъ предъидущихъ мотивовъ, въ украшеніе карнизовъ *XVII ст. вводятъ изразцы*. Судя по сравненію всѣхъ древнихъ формъ покрытія нашихъ церковныхъ куполовъ, можно не безъ основанія провести такіе взгляды: очертаніе *первоначальныхъ покрытій русскихъ куполовъ* было, по всѣмъ вѣроятіямъ, полуциркульное съ отливомъ, какъ и во многихъ греческихъ церквахъ, но затѣмъ, вслѣдствіи климатическихъ условій, куполъ въ вершинѣ своей *получаетъ нѣкоторое заостреніе* (*а*), чер. 11, таб. II. Далѣе, чтобы

по возможности защитить верхнюю часть барабана отъ сырости, неизбѣжно получающейся при нашихъ частыхъ непогодахъ, бока купола раздвигаютъ, *дѣлаютъ «пучину» а*, чер. 12; но такъ какъ новая форма при той-же высотѣ была бы очень сплюснута, то весь куполъ нѣсколько *вытягиваютъ въ верхъ* и тогда получилась такая форма, какъ показано на чер. 13. Подобныя переходныя формы мы дѣйствительно встрѣчаемъ еще въ XII ст. въ Сѣверо-Русскомъ (Новгородскомъ) орнаментѣ (чер. 51, таб. IV; изъ собранія орнаментовъ В. В. Стасова). Въ послѣдующихъ столѣтіяхъ форма эта принимаетъ болѣе закругленный видъ и наконецъ *въ XVII ст. (особенно въ Московской архитектурѣ) съ большою выпучиною и съ высокимъ воронкообразнымъ подходомъ къ кресту* (чер. 52, таб. IV). Форма эта развивалась вѣроятно еще и подъ тѣмъ взглядомъ, что плоскій куполъ собственно не игралъ съ фасада выдающейся роли и какъ-бы не отвѣчалъ тому представленію народа, что Богъ есть глава церкви. Одновременно съ подобными формами у насъ развивались еще *шатровыя покрытія*. Эта форма (чер. 14, таб. II, *а* на куполѣ церкви Св. Георгія въ Ладогѣ), явившаяся въ деревянныхъ постройкахъ, какъ нельзя болѣе отвѣчала климатическимъ условіямъ и тѣмъ стремленіямъ къ высокимъ формамъ зданій, которыя такъ свойственны народамъ, живущимъ въ огромныхъ равнинахъ. Какъ видоизмѣненіе восьмигранныхъ пирамидальныхъ покрытій въ деревянныхъ церквахъ, мы встрѣчаемъ *коническое покрытіе*, основаніе котораго закруглялось [1]) (чер. 16, таб. II). Что касается очертанія главъ у Іоанновскаго монастыря въ Псковѣ, у Бориса и Глѣба въ Новгородѣ (чер. 15, табл. II), а также бывшей главы Ново-Вознесенской ц. въ Псковѣ (чер. 17) то происхожденіе его лежитъ несомнѣнно въ древней деревянной архитектурѣ. Въ церквахъ нашего далекаго Сѣвера, вслѣдствіе частыхъ непогодъ, положительно требовалась или шатровая форма или какая-нибудь другая, но только наименѣе способная къ залежамъ снѣга и медленному скату дождя. Въ силу тѣхъ-же принциповъ, которыми руководились строители при начальномъ видоизмѣненіи купольныхъ покрытій, главы въ деревянныхъ церквахъ скоро приняли шаровидную форму; причемъ снизу отнимался большій или меньшій сегментъ, а вверху оканчивались воронкообразнымъ очертаніемъ (какъ видоизмѣненіе такихъ формъ, въ деревянныхъ церквахъ встрѣчаются главы въ видѣ пламени). Такія очертанія, вѣроятно, нравились нашимъ строителямъ и они *перевели ихъ въ каменную архитектуру, продолжая покрывать главы деревомъ въ «крестообразную чешую»*.

---

1) Архангельской губ., Шенкурскаго уѣзда.

При пятиглавыхъ церквахъ даже не было ли принято среднюю главу, въ виду ея большаго діаметра, дѣлать приземистою съ обивкою ея свинцомъ, а другія шаровидныя съ деревяннымъ чешуйчатымъ покрытіемъ (какъ напр. ц. Бориса и Глѣба въ Новгородѣ, (чер. 21, таб. I). Относительно очертанія главъ церкви Петра и Павла на городу въ Новгородѣ, (черт. 18, таб. II, ц. Спаса-Нередицы, чер. 19, Св. Сергія во Псковѣ, чер. 52, таб. IV и др.) надо думать, что онѣ явились, какъ извѣстные фазисы развитія луковицеобразныхъ формъ. Предположеніе, что эти формы занесены къ намъ съ магометанскихъ построекъ [1]), едва-ли вѣроятно, такъ какъ многія постройки съ такимъ очертаніемъ куполовъ, напр. Мавзолей, Теджъ около крѣпости Агры, мечеть Шахъ-Аббаса въ Тегеранѣ, Мавзолей Голкондскихъ царей и др., относятся къ XVI—XVII ст., т. е. къ тому времени, когда наши формы главъ получили уже полное развитіе.

Наконецъ очертанія главъ на черт. 20—22, таб. VIII, *несомнѣнно позднѣйшія и относятся къ упадку русскаго искусства.*

Первые изъ мотивовъ довольно часто попадаются въ Италіи, а послѣдній въ нашихъ сѣверныхъ деревянныхъ церквахъ, отъ которыхъ, можетъ быть, и образовались такіе отливы, какъ на черт. 21, табл. II (*а*).

Окна Новгородско-Псковскихъ церквей не имѣли художественной отдѣлки, и убранства барабановъ около оконъ колонками и арочками совсѣмъ не встрѣчается. Окна располагались въ верхнихъ частяхъ церкви и дѣлались въ крестовыхъ церквахъ по одному съ каждой стороны, а въ троечастныхъ по два и по три окна. Въ барабанахъ дѣлалось въ началѣ по 8 оконъ, а потомъ въ XIII—XV вѣкахъ больше по четыре окна и между ними внутри 4 ниши, а снаружи иногда 4 впадинки, отвѣчающія окнамъ. Затѣмъ въ XVII ст., когда стекла вошли въ общее употребленіе, въ барабанахъ снова стали дѣлать по восьми оконъ.

Въ главной абсидѣ алтаря, въ верхнихъ частяхъ ея сначала дѣлалось по три окна, а уже въ концѣ XIII в. стали дѣлать два и наконецъ одно большое въ срединѣ.

Первоначальная форма оконъ въ нашихъ древнѣйшихъ церквахъ имѣла видъ продолговатаго (около 4-хъ квадратовъ) отверстія, перекрытаго полуцыркульной перемычкой. Они дѣлались прямыя, безъ откосовъ и только съ наружной стороны обходила впадинка для рамы (въ Мирожскомъ соборѣ въ Псковѣ эти впадинки растесаны). Суровость климата и отсутствіе стеколъ скоро заставили обратиться къ *щелеобразнымъ окнамъ*,

---

1) Такая форма, какъ на черт. 19, правда, очень подходитъ къ очертанію магометанскихъ куполовъ по способу Сэ-ва-ду, т. е. два и три.

(черт. 23, табл. II), а *затѣмъ для лучшаго освѣщенія появились и откосы*. Первоначальное украшеніе оконъ, вѣроятно, было сходно съ существующимъ понынѣ окномъ церкви Спаса Преображенія на Торговой сторонѣ въ Новгородѣ (черт. 29, табл. II). Оно состояло въ томъ, что надъ окномъ поверхъ перемычки шелъ полукруглый наличничекъ съ горизонтальнымъ загибомъ. Подъ этимъ жгутикомъ шелъ рядъ кирпичей съ выпускными ребрами. Такой мотивъ цѣликомъ встрѣчается въ греческихъ церквахъ, откуда видимо и былъ перенесенъ въ Новгородъ. Полукруглыя маленькія перемычки представляли не мало затрудненій строителямъ, а потому въ нѣкоторыхъ случаяхъ (черт. 53, таб. IV) перемычки не дѣлалось, а просто при заканчиваніи отверстія окна, кирпичи и каменныя плиты выпускались уступами[1]). Затѣмъ, иногда трехъугольныя пространства между уступами заштукатуривались и тогда получался пролетъ въ видѣ стрѣльчатой арки, (чер. 24, 25, 28, таб. II; церковь Ѳеодора Стратилата, Спаса Преображенія въ Новгородѣ). Появленіе у насъ такихъ отверстій, разумѣется, не слѣдуетъ относить къ вліянію готическихъ арокъ.

При такой конструкціи оконъ, и самый наличникъ преобразовывался изъ полукруглаго въ фронтончатый, черт. 27 и 28 табл. II (церковь Спаса Преображенія въ Новгородѣ). Окна съ такими впадинками, какъ на черт. 26 съ лѣвой стороны, встрѣчаются въ барабанахъ и въ др. мѣстахъ съ XV ст. (въ церквахъ Старо-Вознесенской, Богоявленской, Іоакимо-Іоанновской въ Псковѣ). Окна съ *трехцентровыми закругленіями*, черт. 26, 30. 30′, стали дѣлаться не ранѣе, какъ съ конца XIV в. и конечно большія окна этого типа въ Мирожскомъ соборѣ, въ церкви Іоанновскаго монастыря и въ другихъ церквахъ XI—XIII ст. сдѣланы позднѣе, что видно по самому стилю церквей и по сравненію этихъ оконъ съ сохранившимися древними окнами въ тѣхъ-же церквахъ. Окна съ крестообразной впадинкой, черт. 30, выходятъ на лѣстницу Евфиміевской башни XV ст. Въ видѣ исключенія встрѣчаются подковообразныя окна, черт. 31 (Ѳеодора Стратилата на Торговой ст. въ Новгородѣ). Просвѣтцы (на черт. 32, таб. II) дѣлались изъ кирпичей, составленныхъ вертикально и горизонтально.

Въ XVI и XVII ст., когда на глазахъ Новгородцевъ Москва стала черпать разные мотивы съ деревянныхъ храмовъ, тогда и въ Новгородско-Псковской области стали примѣняться къ каменнымъ постройкамъ *мотивы*

---

1) Этотъ пріемъ начался можетъ быть еще въ XII ст., такъ какъ подобныя оконца въ боковыхъ абсидахъ Мирожскаго собора въ Псковѣ существуютъ видимо съ основанія самой церкви, но примѣръ этотъ до XIV ст. исключительный.

деревянныхъ оконныхъ украшеній (черт. 26, таб. I; Хутынскаго монастыря, близъ Новгорода).

Объ украшеніи стѣнъ *пилястрами и подфронтонными закругленіями* я уже говорилъ раньше, а потому теперь упомяну только о томъ, что въ Псковскихъ церквахъ эти украшенія, въ видѣ трехъ впадинокъ, иногда оканчивались на высотѣ алтаря, черт. 54, таб. IV (церковь Старо-Вознесенская, Св. Сергія и проч.). Въ другихъ случаяхъ средняя впадинка оканчивалась выше боковыхъ и тогда подъ нею дѣлалось окно, Церкви видимо иногда ставились на высокіе цоколя съ отливами (*а*) изъ черепицы (церковь Св. Климента во Псковѣ, черт. 54, табл. IV).

Теперь перейдемъ къ детальнымъ наружнымъ украшеніямъ стѣнъ. Послѣднія въ нѣкоторыхъ Новгородскихъ храмахъ испещрены *различными вставными и высѣченными въ стѣнахъ крестами, нишами, образками и т. п.* Всѣ эти украшенія часто разбиты настолько несимметрично, что появленіе ихъ едва-ли можетъ считаться заранѣе обдуманнымъ украшеніемъ. Одни *кресты ставились «на поклоненіе правовѣрнымъ людемъ»* и назывались поклонными (черт. 33—36, таб. II). Это были четырехконечные кресты, вмазанные въ особыя круглыя или яйцевидныя нишки не только въ церковныхъ стѣнахъ но и въ колокольняхъ. Они преимущественно помѣщались у входа въ храмъ на высотѣ роста человѣка и имѣли иногда символическія, рельефныя изображенія. На черт. 33 представленъ одинъ изъ сложныхъ типовъ такихъ крестовъ, находящійся въ западной стѣнѣ Софійскаго собора; онъ былъ сдѣланъ въ XIV ст. Новгородскимъ архіепископомъ Алексіемъ; въ немъ высѣчены изображенія Благовѣщенія Божіей Матери, Сошествіе I. Х. во адъ, Распятіе и Сидѣніе I. Х. на небесахъ. Нижняя часть этого креста, какъ и многихъ другихъ поклонныхъ, (черт. 35), нѣсколько выходитъ изъ очертанія нишекъ.

Другіе кресты, украшающіе стѣны Новгородскихъ церквей, имѣютъ видъ надмогильныхъ крестовъ *и ставились за упокой души.* Они, въ противоположность поклоннымъ, выступаютъ изъ плоскости стѣнъ, значительно тоньше первыхъ, всегда располагались въ верхнихъ частяхъ церкви и не ограничивались никакими нишами. На черт. 37—39, таб. II изображены болѣе сложные типы ихъ. Судя по формѣ и расположенію тѣхъ и другихъ крестовъ, можно думать, что появленіе ихъ было вызвано въ періодъ развитія у насъ символики. Поклонные кресты, судя по очертанію нишекъ и сюжетамъ, изображаемымъ на нихъ, какъ-бы выражаютъ ту идею, что человѣкъ, раждаясь подъ духовнымъ началомъ и проходя земную жизнь, всегда долженъ носить въ себѣ образъ Христа и его праведную жизнь на землѣ. Другіе кресты за упокой души напоминали проходящимъ, что души

умершихъ далеко отъ земли и подъ сводами храма, какъ дома Божія, покойно ждутъ праваго суда Всевышняго.—И какъ самая смерть для людей является неожиданною, такъ и расположеніе крестовъ на стѣнахъ церкви всегда неопредѣленно, безъ всякой симметріи.

Кресты на стѣнахъ, хотя были приняты въ греческихъ церквахъ и въ особенности въ Грузино-Армянскихъ, но у насъ они имѣли видимо нѣсколько особое значеніе.

Другія украшенія Новгородскихъ церквей состоятъ изъ *полукруглыхъ и треугольныхъ впадинокъ*, *квадратиковъ*, *кружковъ*, *образковъ и т. п.*, чер. 42, *а*, *б*, *в*, *г* табл. II (церковь Спаса Преображенія въ Новгородѣ). Эти украшенія иногда дѣлались цѣлыми группами съ образкомъ въ срединѣ и съ навѣсикомъ надъ ними, черт. 40, 41, таб. II (церковь Петра и Павла и др. въ Новгородѣ). Всѣ эти украшенія, какъ и кресты, были распространены въ XIV до XV в. и то больше въ Новгородскихъ церквахъ, а въ Псковскихъ существовалъ обычай вставлять въ стѣны каменныя плиты съ надписями. Эти плиты были четыреугольныя или съ закругленіемъ на верху и вмазывались не только въ наружныхъ стѣнахъ церкви, но и во внутреннихъ. На нихъ высѣкались различныя надписи въ память какихъ-либо событій или погребенныхъ у стѣнъ церкви. Между надписями помѣщался кругъ съ крестомъ, а поверхъ надписи дѣлались изображенія Бога-Саваоѳа, Спасителя и Св. Духа. Такія плиты вставлялись иногда въ особыя нишки на высотѣ отъ одного до двухъ съ половиною аршинъ.

Кончая разборъ наружныхъ украшеній храмовъ, скажемъ нѣсколько словъ *объ одной особенности въ церкви Св. Прокопія въ Новгородѣ*. Ея квадратное помѣщеніе имѣетъ не 4 столба, какъ это мы видѣли почти во всѣхъ церквахъ, а 3 и устройство сводовъ получилось довольно смѣлое, черт. 43, 44, таб. II (было ли это съ основанія церкви или же сдѣлано послѣ, неизвѣстно). Правая подпружная арка *а*, черт. 44, передаетъ распоръ не на пилонъ, какъ въ лѣвой части, а на средину арки (*б*), перекинутой со столба на сѣверную стѣну церкви, за которою надъ западнымъ дѣленіемъ церкви (*в*) идетъ коробовый сводъ. Въ дополненіе къ вышесказанному о внутреннемъ устройствѣ храмовъ Новгорода и Пскова, упомянемъ еще о нѣкоторыхъ подробностяхъ. *Такъ, лѣстницы на хоры* въ западной стѣнѣ церкви иногда дѣлались съ двухъ сторонъ, сходясь на верху въ срединѣ стѣны [1]), черт. 55, таб. IV. Помѣщенія хоръ въ сѣверо-западномъ и юго-западномъ углахъ храма иногда, напр. въ Нередицкой церкви, (черт. 46, 47, таб. II) назывались *теремами* и во время пребыванія здѣсь

1) Церковь Ст. Ладоги изъ раскопокъ Н. Е. Бранденбурга.

Московскихъ князей, говорятъ, былъ особый наружный ходъ, въ теремъ княгинь (*a*) и прислуги (*b*). Эти ходы на хоры видимо были во многихъ резиденціяхъ русскихъ князей.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда къ западной части церкви примыкало еще одно дѣленіе (черт. 49, таб. II), *хоры удлинялись* и эта часть храма получала нѣсколько базиличный видъ, черт. 50. Въ западныхъ стѣнахъ церквей иногда дѣлались *нишки* (*a*) для помѣщенія людей особенно преданныхъ молитвѣ (на хорахъ въ Іоанновскомъ монастырѣ въ Псковѣ), черт. 55, таб. IV. Кромѣ того, въ стѣнахъ были помѣщенія для *казны*, *тюрмочекъ*, *шкафовъ* для церковныхъ вещей и т. п. Въ притворахъ въ особыхъ углубленіяхъ были каменныя сидѣнія (*б*, *б*), чер. 35 и 40, таб. IV. Послѣднія дѣлались и въ самыхъ церквахъ съ сѣверной и южной сторонъ, черт. 55′ (*в*, *в*), таб. IV. Съ этихъ-же сторонъ иногда дѣлались особыя полукруглыя ниши (*г*, *г*) (каморы), вѣроятно для покойниковъ знатнаго рода. *Сѣдалища* для пресвитеровъ шли по стѣнѣ главной абсиды, замыкаясь пилястрами (*д*, *д*), черт. 53, табл. IV, а въ серединѣ иногда возвышалось или просто отдѣлялось вертикальными каменными плитами сѣдалище для епископовъ, черт. 48, таб. II (въ Нередицкой церкви). Скамьи или сѣдалища, какъ извѣстно, предназначались во время богослуженія для отдыха не только священнослужителей, но и для мирянъ, которые при восклицаніи «премудрость прости» снова оставляли сидѣнія.

Южныя полукружія алтаря—*діаконникъ*, отдѣлялись тонкою каменною перегородкою (*е*) и по полукружію иногда дѣлалось каменное возвышеніе въ родѣ сѣдалища (*ж*), черт. 55, таб. IV (изъ раскопокъ Н. Е. Бранденбурга въ Старой Ладогѣ).

Жертвенникъ помѣщался или въ прямоугольныхъ нишкахъ (*з*) (тотъ-же чертежъ и черт. 18, таб. IV), или для него складывались особыя каменныя стѣночки (*и*).

Престолъ состоялъ изъ 4 плитъ, поставленныхъ вертикально, на которыхъ лежала каменная (горизонтальная) плита; иногда же престолъ дѣлался изъ каменныхъ глухихъ стѣночекъ.

Полы дѣлались изъ плитняка, дубовыхъ квадратныхъ плитъ и впослѣдствіи изъ кирпича.

Стѣны Новгородско-Псковскихъ церквей дѣлались изъ плитняка съ прокладкою кирпичей; приблизительно чрезъ 3 или 4 ряда плитъ шелъ рядъ кирпичей, но въ полномъ безпорядкѣ; такъ, въ ряду кирпичей встрѣчаются плиты, а въ ряду плитъ кирпичи. Булыжная кладка встрѣчается только въ основаніи церквей и, можетъ быть, употреблялась въ серединѣ стѣнъ. Кирпичи встрѣчаются квадратные отъ 6 до 8 вершковъ, а толщиною отъ 1 до

$1^1/_4$ вершк. Плитнякъ весьма различныхъ величинъ. Стѣны, судя по позднѣйшимъ указаніямъ, строились «*въ коробку*», т. е. выложенныя части закрывались досками или лубкомъ до тѣхъ поръ, пока онѣ не высохнутъ, Это дѣлалось во избѣжаніе разрушительнаго дѣйствія на непросохнувшія стѣны различныхъ атмосферныхъ перемѣнъ.

Своды и арки дѣлались изъ болѣе правильныхъ и тонкихъ плитъ.

Кромѣ того увѣряютъ, что нѣкоторые своды, какъ напримѣръ въ церкви Ѳеодора Стратилата въ Новгородѣ, сложены *изъ горшковъ*, одинъ изъ которыхъ хранится въ церкви и представленъ на черт. 56, табл. IV. Въ парусѣ Мирожскаго собора мною былъ обнаруженъ большой пустой горшокъ, черт. 57, что и можетъ отчасти подтверждать то мнѣніе, что горшки при кладкѣ сводовъ были у насъ въ употребленіи съ давнихъ поръ. Своды скрѣплялись деревянными *дубовыми связями*, которыя вошли въ нашу строительную практику, вѣроятно, въ концѣ XII ст.— Съ XVI в. появились желѣзныя связи. Стѣны внутри и снаружи обмазывались известью, о чемъ упоминается въ Новгородской лѣтописи еще подъ 1151 годомъ.

Крыши покрывались въ большинствѣ случаевъ двойнымъ тесомъ съ обрѣзами на концахъ. Первоначальныя же покрытія производились, вѣроятно, черепицею. Въ XII ст., какъ видно изъ лѣтописей, крыши иногда обивались свинцомъ. Желѣзо вошло въ употребленіе сравнительно поздно.

Кресты по большей части были деревянные, обитые жестью или свинцомъ и имѣли кромѣ прямыхъ окончаній и такія, какъ показано на черт. 58 (*a*, *b*), таб. IV [1]). Одинъ изъ любопытнѣйшихъ крестовъ находится на церкви Спаса-Нередицы въ Новгородѣ, черт. 59. Такой-же крестъ находится на часовнѣ близь г. Переяславля-Залѣсскаго, Владимірской губ.

Внутренность нѣкоторыхъ храмовъ почти сплошь украшалась *фресковою живописью*. Искусство это было прямо передано Новгородцамъ Царьградскими мастерами, о чемъ ясно упоминается въ лѣтописи Софійскаго собора «приведоша иконныхъ писцовъ изъ Царь-Града».

Дальнѣйшее искусство въ этомъ-же направленіи шло конечно съ помощью тѣхъ-же мастеровъ и только впослѣдствіи производилось своими силами.

Живопись Новгородско-Псковскихъ церквей заслуживаетъ особыхъ спеціальныхъ изслѣдованій, а потому я ограничусь вышеизложеннымъ разборомъ одной архитектуры. Скажу только, что еще во многихъ храмахъ Новгорода и Пскова уцѣлѣла подъ штукатуркою живопись XII—XIII—

---

1) Болѣе сложныя формы крестовъ со всевозможными украшеніями появляются въ Новгородской области въ XVII ст.

XIV—XV ст. (Мирожскій соборъ въ Псковѣ, ц. Николы въ Липнѣ, Ѳеодора Стратилата въ Новгородѣ и др.). Тщательныя изслѣдованія живописи этихъ эпохъ несомнѣнно важны не только для болѣе яснаго представленія степени развитія этого искусства въ Новгородской области, но и для изученія одеждъ, а равно и «палатнаго письма», которое могло бы значительно освѣтить исторію развитія не только Новгородско-Псковской архитектуры, но и всей Россіи.

Разсмотрѣнныя нами церкви, конечно, имѣютъ въ отдѣльности свою исторію возникновенія и нѣкоторый своеобразный отпечатокъ. Кому каждая изъ нихъ принадлежала и по какому случаю была построена, разгадывать трудно. Извѣстно только то, что первыми основателями церквей были князья и епископы, которые ставили ихъ въ честь своихъ соименныхъ святыхъ. Кромѣ того церкви были соборныя, монастырскія, обыденныя, улицкія, надвратныя и т. п. Каждая изъ нихъ имѣла свою характерность, такъ напр. при описаніи одной изъ надворотныхъ церквей лѣтопись упоминаетъ о высокихъ крыльцахъ, видимо, какъ о нѣкоторой особенности церкви [1]). Въ Софійскомъ временникѣ говорится о весьма интересной церкви *Св. Григорія (XV в.) въ Хутынскомъ монастырѣ близъ Новгорода*. Эта церковь была «каменна, но не вельми высока и кругла яко столбъ... на ней же колоколы вверсѣ бывали и прежнихъ лѣтъ». Это важное указаніе говоритъ за то, что верхи церквей иногда назначались для колоколовъ, и что слѣдовательно такія подколокольныя церкви (напр. Рождества Христова въ Ярославлѣ) явленіе не случайное. Круглыя церкви, объ одной изъ которыхъ говорится въ временникѣ, до настоящаго времени не сохранились и судить о детальномъ построеніи ихъ—трудно [2]). Въ общихъ чертахъ онѣ были вѣроятно такія, какъ показано на черт. 29, таб. I (изъ древняго вида г. Пскова). Болѣе ясное изображеніе церкви такого типа видимъ напр. на Евангеліи 1571 г., черт. 60, таб. IV (въ Благовѣщенскомъ соборѣ въ Москвѣ).

Что касается происхожденія формы такихъ столпообразныхъ церквей, то едва-ли будетъ ошибочно сказать, что прототипомъ ихъ были также греческія церкви.

Кромѣ, правда, немногихъ круглыхъ церквей (чер. 30, таб. I) въ Византійскомъ зодчествѣ мы видимъ типы столпообразныхъ церквей въ гре-

---

1) О надвратныхъ церквахъ въ Новгородскихъ лѣтописяхъ упоминается еще съ 1080 г.

2) Колокольня въ Снѣтогорскомъ монастырѣ (съ подвалами и церковью) напоминаетъ характеръ столбообразной церкви, но уже слишкомъ высока, такъ что преобладающее значеніе здѣсь не церкви, а колокольни.

ческихъ рукописяхъ, напр. въ Четьи-минеи императора Василія Македонянина X в., чер. 61, таб. IV.

Не вдаваясь на этотъ разъ въ разборъ Новгородско-Псковской военной и гражданской архитектуры, которая заслуживаетъ особаго разбора, припомнимъ только въ краткихъ словахъ ходъ и значеніе церковной архитектуры.

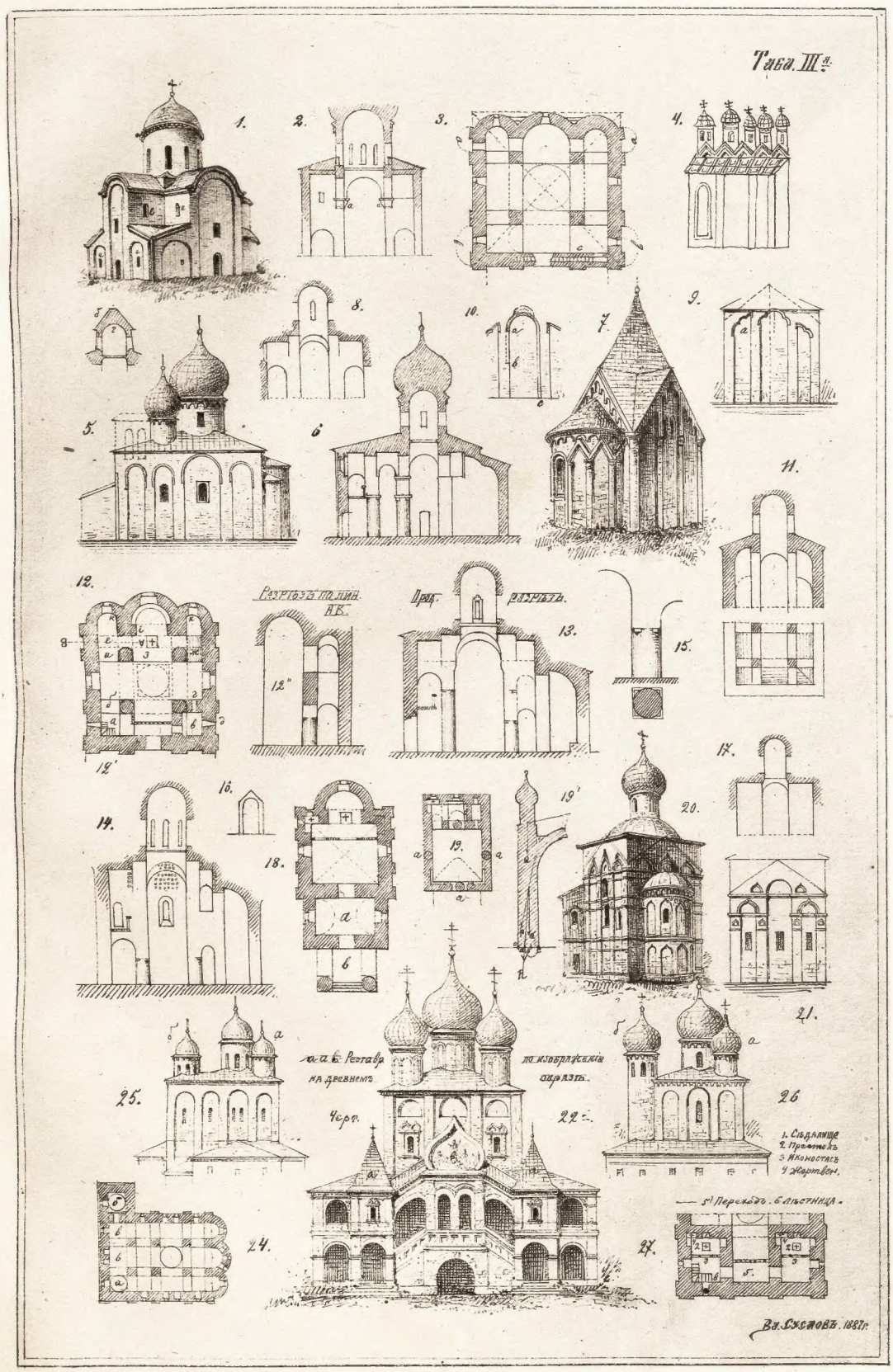
Съ появленіемъ первой церкви Св. Софіи по византійскому плану, въ строительномъ дѣлѣ видимо сразу начинается какое-то броженіе; появляется новый (крестовый) типъ малыхъ церквей, примѣняется значеніе хоръ, пристраиваются высокія башни, трехъабсидный алтарь превращается въ одноабсидный и въ украшеніе фасадовъ входятъ нѣкоторыя черты нѣмецко-романскихъ церквей. Все это затѣмъ сопоставляется съ обычными дотолѣ формами деревянныхъ построекъ и въ силу практическихъ воззрѣній наконецъ устанавливается извѣстный типъ Новгородскихъ храмовъ. Разсматривая одну изъ характерныхъ церквей этого типа (Спаса-Преображенія, чер. 18, таб. I), мы видимъ, что большаго искусства здѣсь не сказалось, но слѣдя за разными видоизмѣненіями формъ памятниковъ предъидущихъ и послѣдующихъ эпохъ, нельзя не признать, что зодчество Новгородско-Псковскаго края всегда искало своей самостоятельности въ жизни, но выступать на ряду уже съ зрѣлыми элементами Византійскаго и Западнаго искусствъ, оно не рѣшалось. Въ XIV—XV в., когда наружныя формы церквей приняли какой-то шаблонный характеръ, то кромѣ внутреннихъ видоизмѣненій, Новгородское зодчество почти не развивалось и только вдали отъ центровъ тогдашней жизни энергично продолжалось плотничное мастерство. Что касается внутренняго искусства, т. е. производства разныхъ церковныхъ вещей (рѣзьбы по дереву, чеканки и т. п.), то это дѣло видимо шло довольно смѣло, и если заносились какія-либо новыя формы, то всѣ онѣ получали какой-то своеобразный русскій оттѣнокъ.

Затѣмъ, когда стала разлагаться общинная жизнь Новгорода, и большіе люди отдѣлились отъ уличанъ; когда самая нравственность была потрясена буйной молодежью, интригами и управленіемъ женщинъ, то всѣ основы общественной жизни на столько расшатались, что погромъ Московскій положилъ конецъ не только самостоятельной политической жизни, но и измѣнилъ самый ходъ искусства. Начинаются огромныя выселенія семей въ Москву и подмосковные города, а отсюда назначаются въ Новгородъ не только намѣстники, но и владыки. Вмѣстѣ съ этимъ и архитектура Новгородцевъ тоже стала получать характеръ Московской архитектуры.

Такимъ образомъ, древняя самостоятельная жизнь могучаго Новгорода окончилась и началась новая сильная жизнь Московскаго Государ-

ства. Одни мастера Новгорода и Пскова бѣгутъ цѣлыми артелями на окрайны нашего сѣвера и продожаютъ главнымъ образомъ завѣщанное плотничное искусство, а другія лучшія силы мастеровъ прямо требуются въ Москву на каменныя работы. Всѣ лучшія вещи Новгорода, а затѣмъ и Пскова потянулись цѣлыми возами на Москву. Послѣдняя съ уничтоженіемъ татарскаго ига вызываетъ къ себѣ разныхъ художниковъ и обстраивается съ какимъ-то лихорадочнымъ воодушевленіемъ. Вотъ здѣсь-то и сталкиваются лицомъ къ лицу два сильныхъ направленія искусства, одно чисто народное, выразившееся во многихъ чертахъ Новгородско-Псковской каменной архитектуры и въ деревянныхъ постройкахъ со всевозможною рѣзьбою по дереву, а другое въ цѣлой массѣ различныхъ вліяній Византійско-Ломбардской архитектуры, и все, что родилось и воспиталось на нашей почвѣ, дало блестящій рѣшительный ударъ наноснымъ формамъ и съ могучей силой выступаетъ на арену самостоятельной жизни. Не мудрено, что въ XVI ст. столько скопилось у насъ новыхъ конструктивныхъ и художественныхъ формъ [1]) среди продолжавшагося тогда Владиміро-Суздальскаго зодчества, что подъ первыми же руками талантливаго художника является та комбинація архитектурныхъ формъ, которая весьма полно и оригинально вылилась въ церковь Василія Блаженнаго. И какъ только этотъ блестящій починъ величественно поднялся среди другихъ искусствъ, то народное творчество, боявшееся сначала показаться въ ряду окружающихъ насъ тогда иноземныхъ формъ, съ этихъ поръ начинаетъ окончательную борьбу за самостоятельность и съ полнымъ успѣхомъ выходитъ на свою давно желанную дорогу. Новгородско-Псковскіе мастера начали припоминать, что въ ихъ новыхъ каменныхъ работахъ выходятъ какія-то знакомыя, давно родныя имъ мотивы, и мы видимъ, что въ XVI и XVII вѣкахъ по всей Руси великой пошло одно, такъ сказать, органически сложившееся національное русское искусство.

1) Образованіе придѣловъ, паперти—галлерей, крыльцъ, особое устройство сводовъ, шатровыя покрытія, устройство звоницъ, колоколенъ и т. п.


Таба. III а.
Разрѣзъ по лин. АВ.
Прод. разрѣзъ.
а. а. б. Реставр. на древнемъ
по изображенію образъ.
Черт.
1. Сѣдалище
2. Престолъ
3. Иконостасъ
4. Жертвен.
5. Переходъ. 6. Лѣстница.
Вл. Сусловъ. 1887 г.

Таба. IV.

28.
29.
30.
31.
32.
33.
Поперечный разрезъ.
34.
Продольный разрезъ.
35.
36.
37.
38.
40.
41.
42.
43.
44.
45.
46.
47.
48.
49.
50.
51.
52.
53.
54.
55.
56.
57.
58.
59.
60.
61.